Лед и пламя Тартара

Автор:
Дмитрий Емец

Лед и пламя Тартара

Дмитрий Емец

Мефодий Буслаев #7

Нижний Тартар... Невыносимый жар там соседствует с адским холодом, и муки томящихся там бесконечны. Туда издавна ссылают тех темных стражей, кто слишком опасен, неконтролируем и жесток даже для мрака. Спеша расправиться с Мефом и Ареем, Лигул тайно выпускает из Нижнего Тартара самых опасных узников.

Тартарианцы бессмертны. Их тела неуязвимы для любого темного оружия. Только светлая магия способна отогнать их на время, однако Лигул предусмотрел и это. Застигнутая врасплох Даф теряет связь со своей флейтой. Отныне ее маголодии не действуют. За Эссиорхом охотятся убийцы. А юная валькирия поставлена перед выбором: завладеть дархом Арея или лишиться своего копья...

Дмитрий Емец

Лед и пламя Тартара

Глава 1

ПО КРЫШЕ БОСИКОМ

Кто не умеет получать радость от малого – того не удовольствуешь и многим.

«Книга Света»

Май, май! Какое хорошее слово! Пусть не такое многообещающее и дразнящее, как март. Не такое пружинящее надеждами, как апрель. Май – это нечто уже свершившееся. То, что было пульсирующими древесными соками, прорвалось в листья. В гнездах – птенцы. Мартовские котята, этот сгусток абсолютной любви, пищат в коробках. Скатанный в трубку холст жизни спешит развернуться во всю ширь.

И тут в мае, где-то в середине – в двадцатых числах, неожиданно наступает момент, когда природа на несколько дней замирает. Время останавливается. Все притихает и словно задумывается, а надо ли срываться в лето? За летом неминуемо наступит осень, за осенью – зима. Стоит ли спешить? Не лучше ли повременить здесь и сейчас, в цветущем мае и остановить мгновение, пока оно прекрасно? Следует ли гнать лошадей, нахлестывая их по взмыленным спинам? Куда гнать? Зачем? Не лучше ли предаться неге и покою? Блаженная, сонливая, радостная тишина опускается на город. Даже комиссионеры с суккубами и те затихают, перестают мельтешить и злобствовать, понимая, что не их сейчас дни. Нечего ловить, некого подсиживать.

И вот в эти благостные числа мая Дафна и Мефодий сидели на плоской крыше многоэтажного дома недалеко от Чистых прудов. Вдвоем. Стальные полосы, приваренные изнутри к двери, давали стопроцентную гарантию, что их не потревожат. Полосы Мефодий приварил взглядом, не используя ни перстня, ни силы дарха. Невероятно для мага и почти невероятно для стража.

Теперь Мефу было уже пятнадцать лет, даже пятнадцать с хвостиком. Он сильно рванул вперед. Научился, хотя и не всегда, контролировать свою силу. Годы напряженных занятий и ежедневные понукания руны школяра принесли результат.

Сидеть так, на прогретой крыше, было приятно. Свежеиспеченное блинное солнце надувало щеки, щедро исторгая жар. Оно было похоже на купчиху и, стыдясь своего пышущего кустодиевского здоровья, стыдливо натягивало на нос белые ватные одеяла облаков. «А то еще сглазят! Ну вас всех!» – думало оно.

Босая Даф радостно шевелила пальцами ног. Какое все-таки удовольствие сбросить туфли, когда есть такая возможность! Дафна любовалась небом. Ее голова лежала на коленях у Мефодия. Меф то и дело наклонялся, чтобы поцеловать ее. Даф, мешая ему, надувала щеки.

– Тебя что, совсем не занимает природа? – дразнила она.

– В данный момент нет, – отвечал Меф.

– Эй, наследник темной конторы, ты закрываешь мне солнце! Брысь, Македонский, отойди от бочки!

– Ты что, Диоген?

– Нет. Просто я соскучилась по свету. Зимой солнца не было. Так, какое-то издевательство на заданную тему!

– Слушай, а глаза у тебя не болят? Не слезятся? – спросил вдруг Меф.

– А почему они должны болеть? – не поняла Дафна.

– Ну как! Ты смотришь на солнце, не щурясь. Я бы так не смог.

Даф поняла и засмеялась.

– Ты что, не знал? Это свойство всех светлых стражей.

Ветер унес последние клочки облаков. Теперь солнце сверкало на обшитых новой жестью бортах, по которым, задрав хвост и брезгливо поглядывая вниз, прогуливался Депресняк. Вид у кота был меланхолический. Март и апрель он провел насыщенно. У него стало на семьдесят котят и на четыре шрама больше. Впрочем, как мужчину шрамы Депресняка только украсили. Да и вообще, говоря объективно, в плане внешнего вида Депресняку мог повредить только выстрел из танкового орудия с очень близкого расстояния. Все остальное только прибавило бы ему шарма.

Пахло смолой, которой обычно покрывают крыши, расплавляя ее гудящими горелками. Меф отколупнул кусок смолы, рассмотрел, хмыкнул, скатал в шарик и осторожно попробовал на зуб.

– Жвачка для семейных бережливых людей. Дешево и сердито. Раздается бесплатно, упаковками по сорок метров. Не хочешь попробовать?

Даф отказалась. Меф не стал настаивать.

– И правильно. Между нами, дрянь страшенная, – одобрил он.

– Ты уверен, что она неядовита?

Меф дернул плечом.

– А шут ее знает! Статистика не ведется. Хотя ко мне сейчас ни одна зараза не пристанет. Я слишком счастлив.

Даф поспешно зажала ему рот.

– Тшш! Молчи! Это и плохо, что счастлив! – воскликнула она.

– Почему? – удивился Меф.

– Ни одно эгоистическое счастье не может продлиться долго, если оно полное. Счастье – это пиковое состояние. Все равно что стоять на вершине горы, на площадке шириной в ладонь. Долго не простоишь, ветер сорвет.

Меф задумался. Рассуждения Даф ему не нравились. Для него они были слишком фатальными и заумными. И любят же эти девушки все усложнять!

– Ну и что ты предлагаешь? – спросил он.

Даф замотала головой.

– Говорить не буду. Лучше напишу.

Она нашла гвоздь и нацарапала что-то на разогретой смоле. Почерк у нее был немного угловатый с высокими, узкими буквами.

«Единственное условие для счастья – не желать его для себя лично. Счастье в самоограничении», – прочитал Меф и, хмыкнув, заметил:

– Ты рассуждаешь почти как валькирия.

– Ничего удивительного. Валькирии тоже служат свету.

– А если я все же хочу немного личного счастья? Вот так вот просто хочу и все?

Даф вновь взяла в руки гвоздь.

«Любое личное счастье стоит воспринимать как подарок судьбы», – дописала она.

– А почему не вслух? – спросил Меф, с интересом следя за движениями гвоздя.

«Всякое слово, высказанное вслух, теряет силу. Будь трепетен и осторожен».

К концу этой фразы Дафна устала царапать гвоздем, и ей волей-неволей пришлось перейти на слова.

– Главное: не желать чего-то слишком сильно. Там, где человек перегорает, он выбивается из сил. Ровное спокойное горение – вот то, что приносит результат. Ожидать надо спокойно, сохраняя внутренний жар. Радость – это состояние света и покоя, а не буйства.

Меф встал, потянулся. Весенние силы распирали его.

– А слабо хотеть – вообще ничего не получишь. Я люблю искры и вспышки. Чтобы все падало и взрывалось.

Он подбежал к краю крыши и, повинуясь порыву, встал на руки. Согнутые в коленях ноги повисли над бездной.

– Вот как я тебя люблю! Эй вы, мрак и свет, слушайте! Слушайте, старые мудрецы, высохшие над книгами! Слушайте и смотрите, как я люблю Дафну!

Депресняк подошел и, поглядывая вниз, стал тереться о руку Мефа. Он явно поощрял Буслаева свалиться и порадовать скучающего котика новыми впечатлениями. Дафна бросилась оттаскивать Мефа.

– Буслаев, ты сумасшедший! – сердито заявила она.

– Тэ-5! – сказал Мефодий.

– Что за «Тэ-5»? – заинтересовалась Даф.

– «Тип пять» – девушки, которые называют по фамилии.

– Чего?

– Классификация Эди Хаврона. Он вечно что-то такое изобретает. Девушки бывают нескольких типов. Тэ-1 чаще всего зовет своего молчела по имени: «Вася, Дима, Боря». Это нейтральные нормальные девушки, любящие собак и горький шоколад. Клинического психолога этот тип не заинтересует.

– А если Васька, Сережка, Борька?

– Это тот же Тэ-1, но когда он чуть-чуть сердит или, напротив, в игривом настроении. Немного опаснее модификация Тэ-1, которая говорит «Серега, Василий, Борис». Это деловые серьезные девушки с отличной хваткой. Возможно, они и сентиментальны, но хорошо держат дистанцию и выносливы в бою.

– А Тэ-2?

– Девушки Тэ-2 говорят «пусик, дусик, зайчик». Эти болтливы, нежны, неплохо готовят и со временем становятся хорошими матерями для девочек. Правда, есть еще вариация «Тэ-2», которая говорит «мой» или «мой муж». Это, по словам Эди, скучные и унылые потребительницы с большими запросами. Пользы от них

– нуль.

Даф фыркнула, представив себе Хаврона, который, скользя с подносом между столиками дамского кафе, высматривает интересные типажи.

– А Тэ-3? – спросила она.

– Тэ-3 зовет спутника по имени-отчеству: Аркадий Николаич, Петр Сергеич. Хороший уважительный вариант для третьего брака, но большой страсти тут не светит... Тэ-4 используют клички и прозвища: «Огурец», «сержант», «Лысый» и так далее. С этими девушками неплохо ходить на секцию фехтования или выбираться в горы. Они тащат свои рюкзаки сами и не ноют, что натерли ноги. Хорошие мамы для мальчиков.

– М-да! Я и не знала, что Эдя думает о продолжении рода. Мне казалось, он морально недозрелый, – обрадовалась за Хаврона Даф.

– Эдя – очень даже зрелый. Ты его просто неправильно понимаешь. Лет через десять из него сформируется ужасно правильный зануда, – сказал Меф.

– Так что у нас с Тэ-5? Девушки, которые называют по фамилии?

– Это прекрасные девушки. Самые лучшие. Они обычно самостоятельны или скорее хотят выглядеть самостоятельными. На деле же они очень ранимы. Причем не так, как твой Депресняк, в упор из пулемета, а на самом деле. Их нужно беречь, – осторожно сказал Меф.

Даф взглянула на него с недоверием.

– И это все? Хочешь сказать, что Эдя воздержался от гадостей в адрес Тэ-5. На него это не похоже.

– А вот и воздержался.

– Поклянись!

– Клянусь мамой Тухломона! – сказал Меф, и оба захохотали.

Мифическая мама Тухломона была им обоим хорошо известна. Они представляли ее себе в мельчайших деталях – этакая расплывшаяся плаксивая дама с подвязанными зубами, которая вечно лжет, подводит карандашиком бровки, обожает примеривать чужие вещи, ворует из ресторанов посуду, а в гостях незаметно пересыпает из чужих кошельков мелочь. Кроме того, она жуткая сутяга. Гавкнет, к примеру, соседская собака в подъезде, она сразу подает иск о причинении ей морального и физического ущерба на десять тысяч долларов. Приложения – свидетельство дворника Зайкина, что собаки умеют лаять, и справка от врача ухо-горла-носа об обращении с жалобой на слух.

Сыночек Тухломоша сам наверняка побаивается свою мамашу и при встречах осторожно целует ее в пяти сантиметрах от щеки. Даф с Мефом даже подумывали, не попросить ли Чимоданова вылепить оживающую модель мамаши из пластилина. Технически это было выполнимо.

Неожиданно Депресняк выгнул спину и зашипел. В воздухе возникло полупрозрачное лицо Улиты. Дистанционный вызов. Меф знал, что Улита их сейчас не видит, но может слышать.

– Эй вы! Улизнули и рады? А трудиться кто будет? Я тут вязну в бумагах, – заявила ведьма.

Мефодий покосился на Дафну. Та поднесла палец к губам. Однако Улиту невозможно было одурачить.

– Чего молчите? Не придуривайтесь! – нетерпеливо повторила она.

– Припряги Чимоданова! – посоветовал Меф.

– Чемодан и так загружен. Он порет суккубов. Судя по воплям, очень старательно.

– Тогда Нату! – сказала Даф.

– Нату я засадила писать программу продвижения легких наркотиков на второе полугодие. Скрытая реклама, тематические бренды, создание молодежной моды и так далее. Канцелярия уже бесится. Мы все сроки завалили.

– Нату? Писать продвижение? Да она все из Интернета сдует! Даже шрифты и те не поменяет… Помнишь, какую лажу мы отослали по пропаганде лжи и насилия? Суккубы и те ржали, – возмутился Меф.

Ведьма особо не спорила. Ей было плевать.

– Не нравится – пиши сам. Или пусть Даф пишет.

Даф писать отказалась и спросила, что делает Мошкин.

– Евгешу я послала наказывать комиссионеров, но что-то там подозрительно тихо. Сдается мне, что они задурили ему голову, – сказала Улита, озабоченно оглядываясь.

На самом деле она оглянулась, конечно, в канцелярии, но, казалось, будто ее огромное прозрачное лицо всматривается в лабиринты старых кварталов у Чистых прудов.

– А завтра нельзя? – спросил Меф.

– Кончай отмазываться, Буслаев! Завтра нельзя. Сегодня «зя»! – непреклонно ответила Улита и растаяла.

* * *

Делать нечего. Пришлось Мефу и Дафне отправляться в офис. Поначалу они собирались телепортировать, но после решили, что пройдутся пешком. Особого рвения лучше не проявлять, а то так припрягут, что взвоешь. Лучшая трудовая тактика в принудительных условиях, как известно, разумный и умеренный пофигизм. Пофигистов начальство терпит гораздо дольше, чем трудяг, которые поначалу вкалывают как гномики в алмазной шахте, а затем, загруженные по уши, выбиваются из сил и начинают грубить.

На полдороге к резиденции мрака Меф неожиданно остановился и придержал Дафну за локоть. Они стояли у девятиэтажного блочного дома, унылого, как десять тысяч его собратьев. Если он чем-то и отличался от большинства, то лишь

многочисленными нашлепками кондиционеров, похожими на заклеенные бумажками порезы после бритья.

Обострившаяся интуиция подсказала Мефу, что в подвале что-то происходит. Сделав Дафне знак ступать тише, Мефодий зашел в подъезд. По левую руку протянулись зеленые почтовые ящики, которые с изобретением телефона и Интернета с каждым годом утрачивали свой почтовый смысл и становились просто мусорными ящиками для никогда не выгребаемой рекламы.

Не обращая на ящики внимания, Меф подошел к двери подвала, присел на корточки и уставился на штукатурку. Даф заметила, что Буслаев удовлетворенно усмехнулся. Вот она – маленькая оповещающая руна! Вздумай они зайти в подвал, не стерев ее, там бы уже знали об их появлении.

Меф порылся в карманах.

– Дай монету! – попросил он Даф.

Полученной монетой Меф тщательно соскоблил руну.

– А почему не ногтем? – спросила Даф.

– Без пальца останешься. Видишь, внизу насечка? Развлекаются, паразиты! Двойную защиту ставят.

Даф уважительно замолчала. В рунах мрака – а особенно во всяких сопровождающих их пакостях: черточках, усиливающих насечках, зигзагах – Меф последнее время стал разбираться гораздо лучше.

Расправившись с руной, Меф преспокойно открыл дверь и, особо не таясь, спустился в подвал. За грубо сколоченным столом три комиссионера и неизвестный Мефу носатый суккуб в шарфике играли в кости. Они были так увлечены, что заметили Буслаева только когда он поинтересовался:

– На что играем?

Крайний комиссионер поднял глаза на Мефа, узнал его, затравленно пискнул и исчез первым. Остальные поспешно последовали его примеру. Последним сгинул запутавшийся в шарфике суккуб. После него на стуле остались вставная фарфоровая челюсть и небольшой кувшинчик.

– А чего они так перепугались-то, а? – удивилась Даф.

Меф поймал за провод раскачивающуюся лампочку.

– Ты что, не поняла, на что они играли? На эйдосы. А это запрещено. Эйдосы положено сразу сдавать, – сказал он, показывая Даф на песчинки, голубеющие на столешнице.

– А это тогда что? – Даф кивнула на миниатюрную амфору, похожую на те, в которых в Крыму продают ароматические масла. При желании амфора вполне могла поместиться в ладони.

– Не знаю.

Меф взял со стула забытую суккубом амфору. Она была глиняная, с прозеленью, с давними следами морских ракушек. К пробке на серебряной цепочке привязан перстень. Меф осторожно поднял перстень за цепочку, поднес к глазам и обнаружил, что внутренняя часть кольца испещрена знаками, весьма распространенными во времена царя Давида.

– Это уже интересно. Раз суккуб ставил эту штуку против эйдосов, значит она довольно ценная. Что тут написано? – спросил Меф, разглядывая мелкие знаки, оттиснутые вокруг горлышка амфоры.

– Дай-ка взглянуть! Ага, «Джинн консервированный. Сухая масса без учета тары – 0,5 кг. Срок заточения – 700 лет. Беречь от огня и прямых солнечных лучей», – с серьезным видом прочитала Даф.

– Правда, что ли? – усомнился Меф.

Даф выдержала паузу. Как все-таки грустно, что ей нельзя врать, хотя бы в шутку.

– Ну хорошо, неправда. Это защитные знаки. Они гарантируют, что джинн не вырвется наружу, если амфора случайно треснет. Типичная перестраховка!.. Хотя видишь вот этот символ? Им отмечали лишь особо опасных джиннов, – призналась она.

– А почему амфора такая маленькая?

– Размер посуды имеет значение только для оптовых покупателей минералки. Для повелителя джиннов, когда он наказывает своих подданных, он непринципиален. В обычный пузырек из-под валерьянки при желании можно упаковать роту ифритов, – снисходительно пояснила Даф. – Эй, что ты делаешь?

– Открываю. Курьеров-то я сколько угодно видел, а нормальных джиннов нет, – сказал Меф и, прежде, чем Даф успела предупредить, что нормальных джиннов не бывает в принципе, с хлопком вытащил пробку.

Даф с ужасом уставилась на амфору. Она ожидала дыма, огня, искр. Ожидала заросшего до глаз взбешенного джинна в полосатом халате, мешающего персидские, турецкие, афганские слова. Как известно из общего курса ифритоведения, джинны в заточении добры только первые триста лет. Потом они звереют и дают клятву убить своего спасителя за то, что он не бежал бегом.

Однако ничего подобного не произошло. Из кувшина так никто и не появился. Меф попытался заглянуть в узкое горлышко амфоры. Перевернул ее и потряс.

– Эй, есть там кто?

– Допустим, да. Есть.

Из амфоры неохотно выплыл сизый дымок и сложился в томную даму. У нее были смоляные прилизанные волосы, тонкий нос с горбинкой и большие выпуклые глаза, подведенные фиолетовым карандашом. Ногти длинные, извилистые.

– Кто тут мой повелитель? – спросила она раздраженно, с гортанным акцентом.

– Надевай кольцо! Скорее! – зашипела Дафна на Мефа, на всякий пожарный случай доставая флейту.

Ей хорошо была известна хитрость и непредсказуемость джиннов. Меф послушался. Кольцо было узким, и, накручивая его на палец, он оцарапал сустав в кровь. Полупрозрачная дама насмешливо наблюдала за его попытками.

– Властью, данной мне кольцом Давида, Соломона, Артенома и Сахнаба, племянников визиря повелителя всех джиннов, требую повиновения! – откашлявшись, произнес Меф. Он надеялся, что память подсказала ему верную формулу.

– Слушаюсь и повинуюсь, счастье очей моих! Кстати, меня зовут Гюльнара. А у тебя какое-нибудь имя есть, душа моя? – насмешливо откликнулась дама.

– Мефодий Буслаев.

Гюльнара недоверчиво всмотрелась в него. Меф ощутил, как две струйки тумана коснулись его глаз, скользнули по вискам и легко сомкнулись на затылке. Длинные волосы Мефа предупреждающе заныли. Поняв, что джинша элементарно прощупывает его, Буслаев с негодованием оттолкнул духа сконцентрированным лучом воли. Джинша отступила, замахала руками. Незримое кольцо вокруг головы Мефа разжалось.

– Фуй! Молодой, а сердитый! А знаешь ли ты, молодой и сердитый, что кто-то недавно искал ключик к твоей силе? Хотел немного полакомиться. Я вижу это по твоей ауре.

– Бред! Цыганщина!

– Кому бред, а кому нет. Ее прокусили на глубину двух слоев. Тебя спас лишь третий слой. Хороший слой, крепкий как кольчуга! Будь осторожен, счастье очей моих. Не теряй бдительности или однажды утром будешь лежать в кровати холодный и выпитый. Помни об этом! – прошептала Гюльнара.

Шепча, она безостановочно вилась вокруг Мефа. Ее зрачки то сужались, то расширялись. Тонкие руки касались то щеки, то рукава. Несмотря на бесплотность джинши, прикосновения были вполне материальны. Меф ощутил легкое головокружение.

Даф спокойно подошла и наступила ему на ногу. Меф ошарашенно повернулся к ней и разорвал контакт со взглядом Гюльнары. Голова сразу перестала кружиться.

– Не давай ей себя касаться! Не смотри выше подбородка. Это гипноз! Такой же, как у Наты! – сказала Даф.

Недовольная, что ей помешали, джинша Гюльнара с досадой уставилась на Даф.

– Кто это топчет тебя ножкой тридцать шестого размера? Неужели твоя девушка? Да еще и блондинка? Фуй, какая феноменальная пошлость! Блондинки скучны как белые мыши! У них в жилах не страсть, а обезжиренный кефир.

Даф растерялась.

– Спасибо. Буду иметь в виду, – сказала она.

Гюльнара протянула руку и похлопала ее по щеке.

– Да не за что, дорогая. Спрячь дудочку! Я не настроена никого убивать.

– Как-то я не особенно вам верю, – пробормотала Даф.

– Ну и не верь. Бывает, и я становлюсь истеричной, но только при определенных обстоятельствах. Что это за обстоятельства, говорить мне сейчас не хочется.

– Э-э… Ну да… А вопрос можно? Разве джинны бывают девушками? – поинтересовалась Дафна.

Гюльнара снисходительно посмотрела на Даф. Ее длинный ноготь очертил в воздухе прямую дымную линию.

– Дорогая, на тупые вопросы я не отвечаю. Я их задаю, – джинша изогнулась в воздухе змеиным движением и повернулась к Мефу. – А почему молчит мой повелитель? Может, он ради разнообразия сам желает что-то спросить?

– Как ты попала в кувшин? – поинтересовался Меф.

– Учитывая, что среди нас есть блондинка – даю ответ сугубо для блондинок. Меня заточил плохой дядя – повелитель джиннов. Старый урод с километровой бородой хотел взять меня замуж.

– А ты не хотела? – сочувственно спросил Меф.

Гюльнара насмешливо мотнула головой.

– Почему же не хотела? Я женщина авантюрная и к богатым папикам отношусь с симпатией. Но у нас возник маленький принципиальный спор: кто кого возьмет в гарем. Он меня в свой или я его в свой, мужской, разумеется. Финал был предсказуем. Старый осел взбесился и стал сыпать проклятиями. У него это неплохо получилось. Я оказалась в амфоре, а амфора на океанском дне. Он поклялся, что уничтожит меня, если я когда-либо хоть нос высуну из кувшина. Ну и ладно. По крайней мере я смогла насладиться одиночеством.

Меф засмеялся. Даф ощутила укол ревности. Эта наглая джинша с мятными глазами могла плохо повлиять на ее Мефа в нравственном плане.

– Послушайте! Можно вопрос? – сказала Даф напряженным голосом.

– Что блондиночка хочет узнать? Почему до солнца нельзя дотянуться ручками, если его видно глазками? Почему яблочко снаружи красное, а внутри белое?

– Блондинка хочет узнать, как может джинша, такая красивая, такая большая, поместиться в такую маленькую амфору? – сказала Даф.

Меф поперхнулся. Гюльнара посмотрела на Даф долгим проникновенным взглядом. Той стало не по себе.

– Дешевая разводка! Неужели мы, джинны, так похожи на идиотов? Того, кто первым пустил слух, будто джинна так просто поймать «на слабо», стоило бы сварить живым в масле, – процедила Гюльнара сквозь зубы.

– Ну я считала... мне действительно хотелось убедиться, что вы поместитесь... Вы такая крупная дама, а кувшин такой крошечный, – заметалась Даф.

– Что, правда, хотелось? Без подвоха? Ну так и быть! – смилостивилась джинша.

Она превратилась в дымок и скользнула в амфору. Даф с торжеством заткнула ее пробкой, но тотчас услышала издевательский хохот. Рядом с сосудом материализовалась Гюльнара.

– Нет, солнце мое, ты все-таки конкретная блондинка! Разумеется, я тебя надула. Запустила в кувшин морок, сама же осталась здесь, – прощебетала она. – А теперь, блондинка, не обижайся, но я тебя убью. Джинны не прощают тех, кто пытался их одурачить!

Даф попятилась. Джинша неторопливо плыла к ней. Меж ее длинных ногтей скользили синеватые молнии.

– Властью, данной мне кольцом Давида, Соломона, Артенома и Сахнаба, племянников визиря повелителя всех джиннов, приказываю тебе остановиться! – крикнул Меф.

Гюльнара насмешливо покосилась на него.

– Я бы с радостью, мой сладкий! Для тебя все, что угодно, а для Артенома с Сахнабом и подавно. Да не слышу я! Уши заложило, – сказала джинша.

Даф вскинула к губам флейту, но не успела довести маголодию даже до середины. Гюльнара хлестнула ее внезапно удлинившейся рукой. Паралитический разряд боли прошел по флейте и заморозил Дафне щеку. Флейта вылетела у Даф из пальцев. Даф отскочила, ударилась о стену, отползла. Она увидела, как между ней и джиншей, занося меч, метнулся Меф.

– Отойди, тебе говорят! Не трогай ее!

– Не мешай, повелитель! Я должна отомстить! – шипела джинша.

Однако прежде чем клинок, опасный для джиннов не меньше, чем для других бессмертных, коснулся Гюльнары, случилось непредвиденное. Едва тень от рукояти меча упала на ее лицо, как джинша внезапно застыла. Ее лицо перекосилось, побледнело. Глаза стали сползать на подбородок.

– Повелитель джиннов здесь! Он нашел меня! Не отдавайте ему перстень, хозяин! Спрячьте меня! – закричала она и с быстротой молнии нырнула в амфору.

Меф поспешил заткнуть амфору пробкой. На этот раз джинша действительно оказалась внутри.

– Что ее так напугало? Твой меч? – спросила Дафна.

Буслаев пожал плечами.

– Нет. Сдается мне, она испугалась обычной тени.

– Тени твоего меча?

Буслаев посмотрел на меч.

– Не знаю. Может, не в мече дело? Может, она вообще боится теней, даже случайных? У каждого джинна есть какая-то древняя фобия. Иногда смешная, – сказал Меф.

– Откуда ты знаешь?

– Я не знаю, но догадываюсь. Должно же быть нечто, что ограничивает их силы? И что будем делать с этой амфорой? Забросим куда подальше?

Даф, подумав, сочла этот план не самым блестящим.

– Лучше возьмем с собой. А перстень отдай мне. Тогда в следующий раз она на меня не набросится, если что, – сказала Дафна и сунула амфору в карман.

– Так я и знал, что придется его снять. Бедные маги! И как они только так ходят? – проворчал Меф, начиная скручивать перстень.

Прежде чем окончательно уйти из подвала, Даф подошла к столу и тщательно сгребла с него все эйдосы. Меф сделал вид, что смотрит в сторону и ничего не замечает. Интуиция подсказывала, что мраку придется ждать возвращения этих эйдосов долго, очень долго.

* * *

Когда Мефодий и Дафна прибыли на Большую Дмитровку, 13, оказалось, что Улита все как всегда преувеличила. Дела худо-бедно разгреблись и без них. Снаружи у стены носами в сетку стояли наказанные комиссионеры. Их было около двухсот и все они, шмыгая носами, хором ныли: «Евгений Петрович! Мы больше не будем!» Даф хихикнула.

– Ты понял, Меф, кто такой Евгений Петрович?

– Не-а.

– Мошкин. Я же говорила: можно не спешить, – сказала она.

– Что Мошкин?

– Он не стал никого пороть, а просто наказал всех разом. А Улита опасалась, что он не справится, – сказала она.

Так как комиссионеры стояли снаружи сетки, охранная магия резиденции их не скрывала, и у прохожих они вызывали недоумение. Многие останавливались и начинали интересоваться, что это: акция протеста, но тогда против чего? Рекламу снимают?

Примазавшийся к наказанным комиссионерам Тухломоша и здесь не сплоховал. Он суетился, бегал между прохожими, расставлял самых любознательных между ноющими комиссионерами, прикидываясь дурачком, заставлял повторять формулу отречения и за короткое время прибрал к рукам около десятка эйдосов.

– Пошли отсюда! Здесь воняет: с одной стороны глупостью, а с другой стороны подлостью, – сказала Даф.

Она терпеть не могла оба этих запаха. Мефодий с Дафной нырнули под сетку и, опознанные охранной руной, вступили в резиденцию мрака. Улиты на первом этаже не было, и они сразу поднялись на второй. Даф успела как раз вовремя. Ната уже заносила скрученную трубкой газету, собираясь прикончить чудом залетевшую в здание муху.

– Не трогай! – закричала с лестницы Даф.

Видя, что Вихрова не остановится, а добежать она не успевает, Даф схватилась за флейту. Штопорная маголодия оторвалась от флейты одновременно с тем, как опустилась газета. Мгновение – и в кирпичной кладке справа от окна возникло круглое отверстие размером с мяч для слоновьего футбола.

Муха, целая и невредимая, вылетела в дыру. Ната тупо уставилась на свою руку. Газета в ее ладони догорала. Собственно, газета и была мишенью Даф. Все остальное произошло само собой. Маголодии не умеют притормаживать, встретив первую цель.

– Ой! Я не хотела! Это была первая муха в этом году. Такая медлительная, такая неуклюжая. И как у тебя на нее рука поднялась? – сказала Даф с укором.

Меф подошел к дыре и, просунув голову, выглянул наружу. Осколки кирпича пробили окружавшую дом строительную сетку. Собравшаяся под окнами толпа (за вычетом комиссионеров, понятное дело) недоумевала, не понимая, что это было. Защитная магия пятого измерения превратила летевшие осколки в ничто, распылив их и сделав безопасными, но звук все же был слышен.

– Операция по спасению клопа прошла успешно. В ходе операции убиты семь панд и один бенгальский тигр. Мирным ракетным ударом защитников козявок зоопарк разрушен до основания, – насмешливо прокомментировал Меф.

– Я же сказала, что нечаянно и прошу прощения! – повторила Даф.

– А толку? Я на тебя не обиделся, а Вихрова все равно не простит. У нее все обиды записаны, а все услуги проштампованы. Она если соль за обедом тебе передаст, ты у нее на всю жизнь в долгу, – продолжал Меф.

Ната скорчила рожу и показала ему язык. Они с Мефом пикировались уже давно. Подлавливать друг друга стало для них спортом. Даф порой опасалась, как бы эта битва двух остроумий не перешла во что-то более серьезное.

– Шире ротик, еще шире! Язык нормальный, пациентка Вихрова! Налета нет. Вы допущены к занятиям в колледже сантехников, – одобрил Меф.

– Чудовищно смешно, Меф! Признаться, такой парочки придурков, как вы с Даф, мне давно не приходилось видеть! Неудивительно, что вы спелись. Друг другу вы изумительно подходите, – сказала Ната с досадой.

Даф кивнула.

– Ты не поверишь, Вихрова, но от тебя это слышать втройне приятно. Возможно, ты сама этого не знаешь, но у тебя верный глаз на такие вещи, – заметила она.

Дверь комнаты Чимоданова открылась. Выглянул Петруччо. Зудуку он держал за ворот и помахивал им, как сумкой.

– Что тут взрывают и, главное, почему без меня? – поинтересовался он.

– Исчезни! – сказала Ната.

– Почему так сразу: исчезни? Подчеркиваю: у меня двенадцать новостей. Некоторые из них даже хорошие. Например, пятая и одиннадцатая. Восьмая и девятая тебя немного утешат. Хотя они на любителя. Зато третья, седьмая и последняя совсем плохие.

– Чемодан! Отвали! – морщась, велела Ната.

Она знала, что Чимоданов слушает лопухоидные новости, а после их старательно пересказывает. На какой бирже подорожала нефть, в какой банановой стране случился переворот и что сказал известный певец своей жене,

которая взяла в дом сразу двенадцать бесприютных кошек. Ната же мало интересовалась новостями, не имеющими отношения к ней лично. Это был ее принцип. Исключение она могла сделать только для слов певца и то по настроению.

– Да пожалуйста! Не хочешь ничего знать – можешь и дальше пребывать в тупости! – обиделся Чимоданов и скрылся в комнате.

Ната машинально посмотрела ему вслед и взглядом, зорким как у старенькой снайперши, которая, страдая от отсутствия атакующей цепи врага, подглядывает за соседями, внезапно углядела под кроватью у Чимоданова нечто интересное. С краю у ножки, примерно на треть прикрытый соскользнувшим покрывалом, стоял небольшой красный чемодан.

– Что у тебя сам? – спросила она.

Если бы Петруччо равнодушно сказал: «А, всякое барахло!» или даже ничего бы не ответил, Ната сразу потеряла бы интерес. Однако Чимоданов проследил направление ее взгляда и занервничал.

– Ничего! – быстро сказал он и захлопнул дверь перед носом у Наты.

– Нет, вы видели? Интересно, что он там прячет? – спросила Ната. Ее шустренький носик задвигался беспокойно, как у лисы.

– Думаю, динамит! Или пистолет-пулемет с патронами. И, кстати, не советую влезать, – равнодушно сказала Даф.

– Почему?

– У Мефа спроси!

Ната оглянулась на Мефа.

– Спрашиваю!

– Ну они с Зудукой обожают гранаты на растяжках повсюду присобачивать. Как-то я открыл у него ящик стола – ручку искал, а там граната на леске. Рвануло капитально. Я едва защиту выставил, – неохотно ответил Буслаев.

Откуда Чимоданов берет оружие и боеприпасы в резиденции мрака, давно не обсуждалось. Ученик стража мрака способен достать все, что угодно. Да и крупные чины, которым Петруччо продлевал аренду (он получил уже доступ к печати), традиционно притаскивали в своих дипломатах массу подарков. Будучи людьми неглупыми и зоркими, они отлично знали, кому и что дарить. Мефу – холодное и метательное оружие, Улите – косметику и шоколад, Нате – вещички из бутиков и модную одежду, Петруччо – автоматические пистолеты и взрывчатку. Грустнее всего было Мошкину. Ему обычно дарили какую-нибудь картинку с пасущейся овечкой, гороскопы или популярные книжечки: «Как перестать дрожать и начать жить».

На лестнице послышались шаги. В гостиной второго этажа появилась Улита. Заметно было, что ведьма не в духе. В руках она держала журнальчик «Сплетни и бредни», из которого доносились приглушенные вопли и сосредоточенное мужское сопение. И вопли, и сопение имели отношение к заголовку: «Задушенная телезвезда рассказывает подробности своей смерти. «Встречи со знаменитыми покойниками» Гробыни Склеповой и Грызианы Припятской снова в эфире».

– Болваны! Всех бы поубивала в алфавитном порядке, пропустив только букву У! – пробурчала Улита, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Потому что с «У» начинаются «уроды моральные»? – спросила языкастая Ната.

– Потому что с «У» начинаюсь я! – ответила ведьма с таким вызовом, что Ната сразу заглохла.

Заметив, что Улита смотрит на дыру в стене, Даф поспешно загородила дыру спиной.

– Привет! Я понимаю, что все мы ужасно виноваты, но я больше всех. Если хочешь кого-нибудь убить, начни с меня! – проворковала она с улыбкой, подобную которой Дейл Карнеги уже много лет репетировал с суккубами в третьем отделе Тартара, отлучаясь только, чтобы вздремнуть на сковороде.

– С тебя, светлая? Зачем ты мне нужна?

Улита встряхнула журнальчик и, согнав телезвезду, которая с негодованием демонстрировала на шее красный оттиск пятерни, показала заметку мелким шрифтом. Заметка притулилась внизу страницы. Состояла она всего из нескольких строк.

– Запомните: все действительно важные новости в прессе всегда пишут мелкими буквами. Все, что написано крупными, не стоит того, чтобы терять время, – заявила Улита.

Она так размахивала журнальчиком, что Мефу пришлось поймать ведьму за кисть и отобрать у нее «Сплетни и бредни».

– Эй, а по хорошему попросить! На Дафне пробуй свои милицейские заломчики! – весело закричала ведьма.

«Два вампира и ведьма убиты вчера ночью в районе Чумного Кладбища на Лысой Горе. Проводится расследование. Бессмертник Кощеев запросил консультативную помощь у уп.д.к.м. и отдал дело под личный контроль магу Тиштре», – прочитал Меф.

– Ага, ну раз Тиштре, значит, никаких результатов не ожидается. Через полгодика дело потихоньку прикроют, – со знанием дела сказала Ната. Она успела уже въехать, что к чему.

– А что за птица «уп.д.к.м.»? «Упырь дебильный клинический маниакальный»? – полюбопытствовал Меф.

– Не исключено. Но чаще все же: «управляющий делами канцелярии мрака», – корректно пояснила Улита.

– Оп-с, ну я почти угадал! – сказал Меф и взглянул на обложку.

Телезвезда забилась в истерике, пытаясь обратить на себя его внимание. Меф мельком подумал, что если она и при жизни вела себя так назойливо, то финал был вполне закономерен.

– Постой, да это позавчерашний журнал! – сказал Меф.

– Я тоже умею различать числа… А кто виноват, что у меня нет времени читать? То Эссиорх с поцелуями лезет, то Арей с работой, – огрызнулась Улита.

При упоминании о лезущем с поцелуями Эссиорхе Дафна незаметно толкнула Мефа ногой. Она готова была поспорить, что дело тут обстоит как раз наоборот.

– Эссиорх, хех! Бесплатное приложение к мотоциклу? Тебя вечно тянет на тупых. Пытаешься подстраховаться и избавить будущих потомков от избытка ума? – съехидничала Ната. Как всегда язык говорил у нее прежде, чем мозг успевал подумать.

Улита посмотрела на нее таким взглядом, что у Наты заледенели десны. Рот перекосился. Губы повело в сторону, как после зубного укола.

– «Тупой» – это слово для качка, который жрет ложкой протеин, чередуя его с детской кашкой «Малыш», – сказала ведьма негромко, тем шепотом, которого понимающие люди боятся больше, чем крика. – Мой Эссиорх не такой. В одной выхлопной трубе его мотоцикла больше ума, чем будет у тебя когда-либо. Поняла?

Ната случайно посмотрела в глаза ведьмы – в белые глаза с исчезнувшими от ярости зрачками – и лицо у нее стало пепельным.

– По-по-по… – промычала она непослушными губами.

– Это хорошо, что по-по-по… А то был бы тру-тру-труп! – проворчала Улита, остывая. – В общем мне совсем не нравится это сообщение. В магическом мире не так часто происходят убийства, особенно когда убивают сразу троих, – добавила она.

– И особенноу Чумного Кладбища на Лысой Горе, – произнес кто-то.

На верхней ступеньке лестницы, ведущей с первого этажа, сидел Арей. Никто не заметил, когда он появился. Во рту у мечника была веточка кипариса. Меф знал, что весной мечник переносится в горы и подолгу сидит там, прислонившись

спиной к скале и думая неизвестно о чем. Весна тревожила и его, возвращала воспоминания.

Меф внимательно посмотрел на барона мрака. Тот определенно слышал обо всем не впервые.

– Вы уже знали обо всем, да? – спросил Меф.

Арей кивком подтвердил, что да, знал.

– Да. Это я заставил Улиту прочитать заметку. Мне интересна была ее реакция.

– Никто меня не заставлял! Я прочитала сама, – обиделась ведьма.

Движением губ Арей перегнал веточку в другой угол рта.

– Ну разумеется. И желание взять журнальчик у тебя возникло тоже само, – сказал он.

Улита обиженно замолчала.

– Из Канцелярии мрака никаких депеш не поступало. Я специально проверил. Обычная брехливая писанина. Только кожу зря переводят. Если бы не болтливые маги с их журнальчиками, мы бы вообще ничего не узнали.

– Я думал, на Лысой Горе у нас есть информаторы, – сказал Меф. Ему не раз приходилось получать от них бумаги и отправлять ответы.

Арей обмотал вокруг пальца и оторвал от рукава распустившуюся нитку. Кажется, в данный момент его интересовал только его рукав.

– Этому камзолу всего два века, а нитки уже рвутся. Жаль, что нельзя казнить портного… А информаторов, боюсь, придется заводить новых.

– А куда подевались старые?

– По странному стечению обстоятельств, все три наших информатора оказались ночью у заброшенного Чумного Кладбища. Ума не приложу, зачем. Версия, что они решили накопать мертвяков на ужин, кажется мне малоубедительной. Все-таки последнему захоронению там уже семьсот лет, – без тени юмора сказал Арей.

Даф быстро взглянула на него. Ее, признаться, шокировал цинизм стражей мрака. Она усматривала в нем что-то демонстративное, скорее защитное, чем действительно циничное. Впрочем, второе искусственное «я» порой незаметно замещает первое. Прилипшую маску, пропитанную ядом, не отдерешь от лица иначе, чем с кожей.

– Так эти два вампира и ведьма… – начала она.

– Элементарная логика подсказывает, что это они и были. Иначе никак не могу объяснить их молчание, – отрезал Арей.

Что-то зазвенело. Суетливо и весело запрыгали осколки. Какой-то круглый предмет, похожий на кочан капусты, пробил стекло гостиной и покатился по полу, остановившись лишь у ног Дафны. Депресняк зашипел, выгнул спину и упруго вспрыгнул на подоконник. Даф тупо разглядывала то, что лежало у нее под ногами, и все никак не могла понять, что это?

Землистая щека, волосы, странно белое, чужеродно плоское ухо, перекошенный рот. Сознание замедлилось. Отдельные части никак не складывались в целое. Наконец она поняла и завизжала. Когда у нее заканчивалось дыхание, она переводила его и визжала снова. Меф схватил ее и насильно повернул к себе, чтобы Дафна не смотрела.

– Успокойся! Не смотри! Все хорошо! – утешающе бормотал он, гладя ее по плечам и спине. Даф перестала кричать, только вздрагивала.

Улита присела на корточки и, не дотрагиваясь, стала разглядывать разбивший стекло предмет.

– Надо же! Голова. Из катапульты, что ли, ее метнули? Ни сетка не остановила, ни защитная магия, – сказала она озадаченно.

Арей бросился к окну, выглянул, однако снаружи никого уже не было. Барон мрака понял это сразу. Меч исчез из его руки. Арей неторопливо подошел, наклонился и, без особых эмоций, как капустный кочан в сетке, поднял голову за длинные светлые волосы. Лицо наискось рассекала ножевая или сабельная рана. Правый глаз смотрел кровавым провалом.

Арей внимательно изучил голову, хмыкнул и подул ей на лоб. Голова исчезла.

– Не ошибусь, если скажу, что это была голова Дафны. Хотя она и изуродована, узнать ее легко, – сказал мечник.

– Настоящая? Не муляж? Не глина? – непонимающе спросил Меф, прижимая к себе тихо плачущую Дафну.

– Вполне настоящая. Кто-то вырастил Дафну или скорее подобное ей биологическое существо с помощью магии, отрезал голову и подбросил нам. Довольно сложный и трудоемкий процесс.

– Зачем?

Арей вытер ладонь о штаны.

– Такой способ обычно применяют, когда стремятся предупредить или запугать. Но ведь никто не испугался? – спросил барон мрака с особым, настойчивым выражением.

– Никто, – выговорила сквозь слезы Дафна. – Но ей… мне было не больно?

– Думай сама. Это был мычащий бессловесный клон, не обладающий ни твоей силой, ни способностью соображать. Его вырастили слишком быстро, чтобы он сумел чему-то научиться. Но ему было больно, – жестко сказал Арей.

– В следующий раз мы клонируем Лигула и будем отрабатывать на нем колющие удары! Пытать его раскаленным железом! – сквозь зубы произнес Меф.

Почему-то, хотя явных доказательств не было, он не сомневался, что угроза исходит именно от горбуна.

Арей усмехнулся краем рта, помолчал.

– Зачем же клонировать, когда есть оригинал? Только много ударов здесь едва ли пройдет. Его хорошо охраняют. Но даже одного точного удара может быть вполне достаточно. Отсечь голову и разбить дарх, – негромко произнес он.

– ???

– И будь осторожен. Слова материальны. Тот, кому они предназначены, всегда услышит, – продолжал мечник.

Мефодий недоверчиво смотрел на него.

– Вы предлагаете мне... – начал он.

Арей сделал быстрое движение указательным пальцем, и голос замер в горле у Мефа.

– Не надо имен. Я ничего не предлагаю. Я только рассуждаю. Допустим, случится невероятное чудо, и Лигул погибнет. Упадет на перочинный ножик или подавится горошиной... Но подумай вот о чем! Трон мрака пуст быть не может. Ты готов занять его? Тогда, может, готов к резне, которая начнется сразу после гибели Лигула, если трон останется не занят?

Меф, к которому голос так и не вернулся, вопросительно посмотрел на Дафну. Та быстро и незаметно мотнула головой.

– И еще одно, – задумчиво продолжал Арей, глядя на разбитое стекло. – У меня почему-то нет железной уверенности, что это сделано по приказу Лигула. У нас слишком мало фактов. Думаю, разгадку нам придется искать на Лысой Горе.

Глава 2

ТРЕВОЖНОЕ УТРО ВАЛЬКИРИИ-ОДИНОЧКИ

Страсть часто превращает умного человека в глупца, но не менее часто наделяет дураков умом.

Ф. де Ларошфуко

В каждый конкретный момент жизни существует хотя бы одно препятствие, которое мешает расслабиться и ощутить себя счастливым. Бывает, что таких препятствий два или три, но чаще все же одно. Мелкое, досадливое, назойливое. У каждого оно свое и потому всякому другому кажется пустяком. Для кого-то это достающий одноклассник/однокурсник. Для другого – прыщи на лбу. Для третьего – пустой карман. Для четвертого отсутствие близкого человека или, напротив, слишком назойливое присутствие того, кто считает себя таковым.

Кажется, если вот сейчас взять и отбросить это единственное, вытащить занозу, то жизнь станет праздником. Разве не так все устроено, что через каждые год-два все предыдущие проблемы становятся смешными, а те люди, которых раньше боялся, кажутся жалкими? И смешно, и досадно: неужели этот прилизанный толстячок, трусливо пропускающий все машины на дороге, – бывший начальник, отравлявший жизнь? А этот лысеющий и грустный мужчина с коляской, в которой сидит диатезный младенец – бывший жених, ушедший к другой? А сутулый и смущенный шкет, застенчиво сующий влажную ладошку, тот самый дворовый хулиган по кличке Ржавый, встречи с которым боялся настолько, что в собственный подъезд решался проскочить лишь под охраной взрослых?

Но вот нет уже ни одноклассника, ни прыщей, есть деньги и близкие люди, но как по волшебству появляется какое-то иное препятствие, и от ожидаемого счастья тебя отделяет новая стена. И опять все как прежде. Кусаешь губы и вновь чего-то ждешь.

Иллюзия состоит в том, что человеку кажется, будто избавившись от одной занозы, он не обретет другой. Работа стражей мрака в том и состоит, чтобы поддерживать эту иллюзию. В нужный момент добавлять на хребет человека новый вес проблем по мере того, как бедолага приспосабливается к прежним нагрузкам. И тогда измотанный, обессилевший, отчаявшийся человек падет...

Главное вовремя понять, что всех камней с дороги не уберешь. Видимо, счастье не в том, чтобы избавиться от одного препятствия и сразу обрести другое, но

чтобы быть счастливым, вопреки всему. Наши беды не снаружи – они внутри нас. Никто не способен устроить у нас в душе такой мрак, какой мы сами себе устраиваем и причем совершенно бесплатно.

Именно об этих противоречивых вещах думала валькирия-одиночка лежа утром в гамаке. Обычно бывало так: она просыпалась на рассвете и размышляла, не делая ни одного лишнего движения. Серьезная травма, от которой ее исцелил только шлем валькирии, с раннего детства приучила Ирку к созерцательной неподвижности. Это было лучшее время для мысли – свежее, утреннее, обостренное. Именно в этот час она понимала многие вещи, которых в другое время просто не замечала или не обращала на них внимания. Часов около шести Ирка засыпала вновь, примерно на час или на полтора, после чего вставала уже окончательно.

Дверь скрипнула. Ирка поспешно закрыла глаза. Антигон просунул в щель голову, подозрительно огляделся и уставился на валькирию. Кажется, мерзкая хозяйка спит. Лицо спокойное, разве что бледное. Антигон шмыгнул лиловым носом и, вернувшись за перегородку, поставил булаву в угол.

Посидел немного на сундуке, заменявшим ему кровать, и стал возиться: колоть полено на щепки, растапливать печку-буржуйку. Обычная утренняя история. Скоро мерзкая хозяйка проснется и захочет есть. Это только на словах она терпеть не может кашу. Пригорела, от котелка не отшкрябаешь, да и котелок мыть, мол, надо. А чего его мыть, когда через час-другой в нем же варить картошку на обед? Картошка-то в мундире, не все равно ей, в каком котелке полеживать?

Лес не ресторан, а он, Антигон, не повар. Разве что Багров принесет порой чего вкусное, подкормит валькирию. Иной раз индейку, в другой раз – две-три пиццы, а то и целый обед из ресторана. Некромаги всегда умеют устраивать быт. Вот только вопроса, откуда взял, им лучше не задавать. Так спокойнее.

Для стряпни Антигону потребовалась вода. Воду они хранили снаружи, в ведре, висевшем на гвозде у люка. Иначе на крошечной кухне было не развернуться. Кикимор потянул люк и внезапно понял, что на люке не было защитных запуков. Ну и дела! Они что, всю ночь провели без магической защиты? Кикимор стал лихорадочно припоминать, ставил он с вечера запуки или нет, но так и не вспомнил и в наказание сильно дернул себя за рыжие бакенбарды.

«Антигон славный! Антигон все помнит! Думай, башка, думай!» – сказал он и ударил себя кулаком по носу. В выпуклых глазах сразу выступили слезы. Кикимор удовлетворенно кивнул. Этого он и добивался.

Оно-то понятно, что молодая валькирия относится к низшей магии небрежно, без должного уважения, да только не от большого это ума. Небось и лапоток с домовым отказалась перетащить на веревке в «Приют валькирий». А перетащила бы, было бы на кого хозяйство перекинуть. Он-то, Антигон, не настоящий чистокровный домовой, а так, ни то ни се.

Но так или иначе утро наступило. Ежедневник жизни решительно открылся на новой странице.

* * *

Днем Ирка и Матвей Багров сидели в «Приюте валькирий» и беседовали. Все окна в вагончике были распахнуты настежь. Погода снаружи славная, радостно-весенняя. Молодая листва, промытая дождем, была того невероятного цвета, который в обычное время встретишь только у салата. Воробьи производили радостную суету в ветвях боярышника. Казалось, вся природа ждет от наступающего лета чего-то особенно хорошего.

Антигон прохаживался поблизости и меланхолически шмыгал носом, роняя на практике все, что можно было уронить лишь в теории. Подразумевалось, что ему поручено сварить кофе. С другой стороны, медленнее Антигона с поручением справился бы только вампир, в принудительном порядке переведенный на томатный сок.

– Небось Мефодию Буслаеву ты кофе быстрее делал! – дразнила его Ирка.

– Вы меня уже сто раз этим попрекали, тошнотская хозяйка! Дохляндий Слоняев мог убить госпожу! Антигон спасал ей жизнь! – огрызался наследник кикиморы.

– Жизнь спасают другими способами! Оружием! Не угощая гадов кофе! – заявил Матвей Багров. В последнее время любое, даже случайное упоминание о Мефе раздражало его до крайности.

Антигон посмотрел на Багрова и замерцал носом, алкоголическим по сути, но ехиднейшим по существу.

– Тебе самому не надоело, некромаг? Если бы можно было убить языком, в последние три месяца ты бы прикончил Дохляндия Слоняева раз триста, – вкрадчиво заявил потомок домового и кикиморы и отправился в соседнюю комнату грохотать чайником.

Багров смутился. У него достало ума признать, что Антигон прав. Меф стал его занозой. С тех пор, как ученик волхва понял, кого любит валькирия-одиночка, он думал о Мефе даже чаще, чем об Ирке. Ненависть – чувство более мучительное, нежели любовь, особенно если к нему примешивается уязвленное самолюбие.

Ирка потянулась как кошка. В такое утро чувствовать себя несчастной было нереально. Жизнь и веселье переполняли ее. На столе лежал разрезанный ананас и большой кусок ветчины, в котором торчал охотничий нож. И то и другое принес, разумеется, Багров.

– Откуда? – спросила Ирка неосторожно.

– Что, нравится? Мне тоже нравится. В мертвяке одном нашел, – небрежно отвечал Матвей.

– Ветчину???

– Прости. Я думал, ты про нож спрашиваешь, – сказал Багров.

Ирка схватила со стола зачитанный учебник сербского языка (ей органически требовалось постоянно чему-то учиться) и, смеясь, бросила его в Багрова.

– Мимо! Книги нельзя бросать плашмя. Нужно вкручивающим движением, стараясь попасть переплетом в кадык! – назидательно заявил Багров.

– В следующий раз так и сделаю. Причем запущу не тонким учебником, а энциклопедией. А пока скажи: ты мог бы полюбить глупую женщину? – спросила вдруг Ирка. Вопрос возник сам собой. Заранее Ирка его не продумывала.

Матвей наклонился и, подняв учебник, сдул с него пыль.

– Это в порядке демагогии или деловое предложение? – уточнил он.

– Это просто вопрос. Серьезный.

– Ну хорошо. Тогда и я, так и быть, стану серьезен. Глупую и радостную женщину или глупую и раздраженную?

– А что, такая уж большая разница?

– Колоссальная. Радостная женщина по определению не может быть глупой. Даже если бегает босиком под дождем, ест снег и бросается книгами… И потом кто тебе сказал, что ты глупая?

– Опять двадцать пять! Ты можешь все стрелки не переводить на меня? Есть такое слово «абстракция», – сказал Ирка.

– А есть такое понятие – «долгое динамо». Девушка не говорит ни «да», ни «нет», но и не отпускает тебя.

Ирка оскорбилась.

– Это я тебя не отпускаю? Антигон, открой дверь!

– Я не нанимался двери открывать! – сердито отвечал кикимор.

– Антигон, сейчас схлопочешь! – крикнула Ирка.

– Ага, дождешься тут, как же! Поцелуи одни. Хоть бы пинок разик дала, а то не допросишься. Те валькирии, которые думающие, они небось каждый день своих оруженосцев по мордасам утюжат! Заботятся, значит, чтобы все путем! – проворчал кикимор, плевком в пространство показывая, что он думает по этому поводу.

– Так тебя целуют? Старик, как бы я хотел оказаться на твоем месте! – воскликнул Багров.

Ирка смутилась. Она в самом деле нередко бросалась тискать и целовать Антигона, когда ей бывало весело. Уж очень потешно он ругался и отбивался.

Кикимор хмуро уставился на Багрова. Уступать ему свое место он явно не собирался.

– Мечтать не вредно. Мечтать опасно, – резонно отвечал Антигон.

Ирке за это захотелось расцеловать его снова. Видя, что против него ополчилась не только Ирка, но и Антигон, Багров вспылил.

– Знаешь, валькирия, чего ты действительно хочешь?

– Ну и чего?

– Ты просто хочешь быть несчастной со своим идиотом Мефом! У тебя на лице написано: счастливой не буду, но страдать умею со вкусом. Прям хоть табличку вешай: «Копаюсь в себе совковой лопатой! Не справляюсь с объемом работ! Срочно пришлите экскаватор!»

Ирка выслушала его спокойно, почти не изменившись в лице, но холодная вода в ее чашке вдруг закипела. Матвей слишком поздно понял, какую допустил ошибку. Нельзя судить внутренний мир женщины по мужским законам, исходя из банальной логики. То, что сшито иглой Евы, не ковыряют отверткой Адама. Через внутренний мир женщины можно перешагнуть, можно не принять его во внимание, можно даже разбить его вместе с сердцем – женщина все простит, но вот издеваться над ним не следует.

– Багров, я сто раз тебе говорила! Сейчас я не люблю никого.

Багров посмотрел на Ирку с недоверием, как на цыганку, которая, подув на вашу денежку, чтобы снять с нее сглаз, спрятала ее в свой карман.

– Не верю! Типичный самообман! Часто так называемая утрата чувств – просто проявление временной усталости, – заявил он.

Не исключено, что они поссорились бы – не в первый, кстати, раз, но тут в люк настойчиво постучали. Ирка, которая никого не ждала, начала удивленно привставать, но Багров опередил ее.

– Сиди, я сам!

Он взялся за скобу и потянул люк на себя.

– Доброго здоровьица! – услышала Ирка вкрадчивый старушечий голосок.

Багров выглянул и невольно сделал шаг назад.

– Мамзелькина! – сказал он.

В «Приют валькирий», озираясь, вскарабкалась сухонькая старушка. Надо отдать ей должное, не всякая бы в ее возрасте забралась по канату. Однако Аида Плаховна не только влезла, но и не рассталась со своим зачехленным орудием. Даже запыхавшейся не выглядела. Если и пыхтела, то больше из кокетства.

– Вы как, по работе или так? – сурово поинтересовался Багров.

Мамзелькина остро взглянула на него запавшими глазками и погрозила сухим пальцем.

– Ох не любишь ты меня, некромаг! Не любишь!

– А за что вас любить?

Аида Плаховна пожевала пустыми челюстями. Вопрос, заданный в лоб, похоже, ее озадачил.

– Так вот некоторые ж любят. Чимоданов вон, как прихожу, раз по тридцать здоровается. Да и Ната туда же...

– Это они подлизываются. Думают, что пощадите, когда время придет! – сказал Матвей.

Аида Плаховна посмотрела на него с особенным интересом.

– А что, милок, думаешь, не пощажу? – спросила она.

– Надо будет – не пощадите... Раз детей и женщин убиваете, влюбленных разлучаете, какой может быть разговор? – сказал Багров.

Мамзелькина слегка смутилась и пробормотала что-то про разнарядку и что вечно все равно жить не будешь.

– А войны? Сколько вы на них народу укладываете... – продолжал Багров.

Но Аида Плаховна уже оправилась. В этом вопросе она, видимо, твердо стояла на ногах.

– И, родной! На войнах и без меня справляются. Кишки выпускать дело нехитрое. Иной раз только по полю пройдешься, чикнешь кого из раненых косой, чтоб не мучались зря. А так я ж больше по болезням, да по несчастным случаям... Так не любишь? – снова спросила она у Багрова.

– Не люблю.

– Ты уж хоть бы скрывал, что не любишь. А, некромаг?

Поняв, что его дразнят, Багров демонстративно отвернулся. Аида Плаховна меленько захихикала, точно загремела мелочью в стаканчике.

– Выпить есть? – спросила она.

– А что, уже нигде не угощают? Так на похороны сходите! – брякнул Багров.

Хихиканье Аиды Плаховны стало несколько натянутым. Такие шутки она совсем не любила. Тут можно было увлечься и заиграться.

– У меня, кажется, есть бутылка пива, – сказала Ирка, спеша к Матвею на помощь.

Аида Плаховна насмешливо протянула руку. Бутылка прыгнула ей в ладонь. Мамзелькина поглядела на криво нахлобученную пробку и, ухмыльнувшись, поинтересовалась:

– Когда открывала?

– Неделю назад, – сказала Ирка.

– И меня угощаешь? Эх, молодая-зеленая... Сама-то пила?

– Пыталась. Ничего другого не было. Даже воды. Только пиво и подсолнечное масло. Пришлось выбирать из двух зол меньшее, – стала оправдываться Ирка.

Багров удивленно уставился на нее. Ирка покраснела и принялась объяснять, что пиво приволок Антигон. Учитывая, что магазин он посещал ночью и через окно, набор продуктов был хаотичный. Мародерствующий кикимор вслепую загребал все, на что натыкалась рука. В результате одной жидкости для мытья посуды оказалось около десяти бутылок. Столько же упаковок с зубной пастой и мыла. Видимо, ночной рейд Антигона поначалу пролегал через хозяйственный отдел. В результате весь его пыл там и остался. Зато продуктов кот наплакал – коробка вафель в шоколаде, банок тридцать кукурузы, четыре банки тушенки и полусъедобные каши для отсутствующей микроволновки.

Поступок Антигона, аморальный с точки зрения света, оправдывался тем, что кикимор начертил на просыпанном сахаре руну, известную в Эдеме как «руна приятных неожиданностей». В результате у директора магазина за одну ночь на лысой голове выросли русые кудри. Никто из знавших его прежде до конца жизни так и не поверил, что они настоящие. Его заместительница, дама бальзаковского возраста и борцовской наружности, вышла замуж за скромного и застенчивого миллионера, который, будучи человеком демократичным, зашел в магазин купить сухой корм для кота. Учитывая, что украденные Антигоном вафли были скверные, а кукуруза напоминала вкусом рыбьи глаза, можно было

считать, что кикимор заплатил больше, чем получил.

– Ладно, котята мои неутопленные! Мы люди не гордые. Не дают, так свое выпьем, – великодушно сказала Аида Плаховна.

Мамзелькина театрально вздохнула и извлекла из воздуха большую бутыль с золотисто-желтым содержимым, на дне которой, точно обнимая красный перец, свернулась ящерица.

– Не медовушка, конечно, зато из самой Мексики. И там тоже люди умирают, – сказала Аида Плаховна, целуя ящерку через стекло.

Налила. Выпила. Пока она пила, Ирка с Матвеем переглянулись. Оба чувствовали, что старушка притащилась неспроста.

– Кстати про похороны, – сказала Мамзелькина, что-то припоминая. – Была я тут недавно на одних. Хоронили водителя кладбищенского автобуса. Он был человек одинокий. Присутствовали в основном коллеги. Один из них хорошо сказал: «Всю жизнь, Вася, ты возил других. Теперь вот везут тебя». Душевно, правда?

Аида Плаховна некоторое время прождала реакции и обиженно вытерла губы.

– А где смех, некромаг?

– Мне не смешно. Зачем вы пришли? Чтобы рассказать эту историю?

Мамзелькина улыбнулась одними губами и подошла к Матвею совсем близко. Багров побледнел, но не отстранился. Аида Плаховна положила руки ему на плечи.

– Красивый браслет, некромаг. Ты его никогда не снимаешь, не так ли? – сказала она с неуловимой угрозой.

Багров невольно взглянул вниз. Мамзелькина именно этого и добивалась. Сухими пальцами она быстро коснулась макушки Матвея. В тот же миг Багров мешком осел на пол. Глаза его закатились. Ирка рванулась к нему, опустилась

на колени, а затем вскочила и надвинулась на Мамзелькину.

– Спокойно, валькирия! Спокойно! Он жив и здоров. Некромаги вообще не болеют.

– Но зачем вы?..

– Я хочу поговорить с тобой наедине, без посторонних ушей. Можно было попросить его выйти, а можно… – Аида Плаховна выразительно посмотрела на Антигона. Тот правильно истолковал ее взгляд и ласточкой нырнул в открытый люк.

– Сообразительный. Люблю сообразительных. Правда, по большому счету, дохнут они так же часто, как и совсем тупые, – оценила Мамзелькина.

Она опустилась на деревянную лавку и поманила к себе Ирку. Та подошла, ощущая ватную слабость в ногах и злясь на себя за это. Аида Плаховна, усмехаясь, читала ее лицо как книгу. Умные маленькие глазки деловито поблескивали.

– Расслабься, душа моя! Думай что хочешь, да только симпатична ты мне. Да и виновата я перед тобой чуток, – сказала Аида Плаховна.

– Виноваты? Почему виноваты? – непонимающе переспросила Ирка.

Мамзелькина кивнула и налила себе еще стаканчик. Ее сухонький носик немного разбух. Щечки стали малиновыми. Впрочем, на четкости голоса это никак не сказалось.

– Чего греха таить, родителей-то твоих я чикнула, – сказала она спокойно.

Ирка пошатнулась. Потолок стал наплывать. Должно быть, на мгновение ее сознание померкло, потому что Ирка вдруг поняла, что сидит на полу у ног Плаховны и с ненавистью смотрит на нее снизу вверх.

– Злишься на меня? Это уж как хочешь. Мне не привыкать, – сказала Мамзелькина.

– Вы помните моих родителей? – услышала Ирка свой ломкий голос.

– И, милая, я все помню. Сколько их было, а все здесь сидят, голубки мои белые. Всех с собой ношу, – Мамзелькина назидательно коснулась центра лба. – К тому же тут и случай особый вышел. Сколько работаю, никогда такого не было.

– Особый?

Мамзелькина пожевала губами. Учитывая, что рот ее был давно пуст, губы висели тряпочками, изрезанные множеством морщин и складок.

– Я ить, сладкая моя, тогда, признаться, на всех троих разнарядочку получила. На родителя твоего, на мать, да и на тебя, болезную. Все у меня в списочке были, как сейчас помню.

– На меня?

– Да, солнце мое. Ну дело тут ясное. Есть работа – надо делать. Машину-то вашу я на встречную полосу выкинула, а там косой дело доделала. Чик-чик! Не привыкать.

Аида Плаховна сообщила это как нечто вполне заурядное. Ну было, чего ж теперь? Припоминала подробности и качала головой. Ирка смотрела на нее, как раненый, лишенный способности сопротивляться олень смотрит на охотника, неторопливо достающего нож.

– Так вот, родная, штука какая. Родители твои, как пчелки, сразу отлетели! А тебя моя коса не взяла! Два раза я тебя била и оба раза не взяла! – в голосе Плаховны прозвучало суеверное удивление.

Ирка молчала. Слушала.

– Вовек такого не было, – продолжала изумляться Мамзелькина. – Обычно и касаться не нужно. Так, снял чехольчик, провел перед глазами и закатилось солнышко. Какой бы ни был гигант. Один лишь раз увидеть мою косу надо. А если чикнуть, так и царапины довольно. А ты-то, ребенок малый, и глазками на нее смотрела и ударила я тебя дважды… Нет, думаю, неспроста это. Не моя ты.

Запомнила я тебя до поры до времени и исчезла. Все эти годы, признаться, нет-нет, а тебя навещу. Посмотрю на спящую, полюбуюсь, одеяло поправлю, чтобы с окошка холодом не тянуло.

Мамзелькина, видно, ожидала, что Ирка будет восхищаться ее нравственными качествами. Голос ее звучал немного обиженно. Ирка вспомнила удивленные лица хирургов, которые даже много лет спустя не понимали, как она вообще могла выжить.

– Так мои шрамы на спине от косы? – спросила она.

Мамзелькина кивнула и несильно стукнула своим сельскохозяйственным орудием по доскам пола. Под брезентом звякнуло. Это был тихий и отвратительный звук. По лицу лежащего на полу Багрова прошла судорога.

– Да, голубка моя, от нее. Вот такая вот у меня вина перед тобой. Ты уж прости старушку! – сказала Мамзелькина очень просто, будто вина ее была только в том, что она без спросу взяла со стола пятачок.

Ирка молча отвернулась. Простить она не могла. Но и ненавидела почему-то не так сильно, как сама того ожидала. Все стало ей вдруг безразлично. Она понимала, что апатия – следствие шока. Потом она не раз и не два еще вспомнит об этом.

– Уходите! – сказала она.

Мамзелькина чуть склонила голову набок.

– Так не прощаешь, значит? – поинтересовалась она без обиды и удивления. – Ну да дело твое. Я ить на колени вставать не буду. На мне за века-то эти столько вины налипло, что лишь на коленях и ползать. Я ить, зорька моя светлая, много раз думала, почему коса моя тебя не взяла. Только уж когда валькирией ты стала, вроде как забрезжило что-то. Правда, не до конца.

– Замолчите!

Аида Плаховна укоризненно поджала губы.

– Скажу – так и замолчу. Я ить не так часто и рот открываю. Труд у меня молчаливый. Я вот что смекнуть не могу: почему коса тебя не взяла, если защиты на тебе тогда никакой не было? Ни шлема, ни копья, ни магии врожденной, как у кого иного. Знать, отмечена ты была с младенчества. Отмаливали тебя там-то.

Говоря так, Мамзелькина зорко наблюдала за лицом Ирки, точно пыталась получить подсказку и понять, знает ли сама Ирка ответ: в чем ее сила. Ирка слушала ее отрешенно. Утолять любопытство Мамзелькиной у нее не было ни малейшего желания. Да и что она могла бы сказать: мол, свет предвидел, что я стану валькирией и защитил меня? Плаховна была не дура. До такой версии она допиликала бы и сама.

Видно, поняв, что ответа нет и у самой Ирки, Мамзелькина притушила взгляд.

– Ну, на нет и суда нет. Ты, голубка моя, послушай, что я тебе скажу и хорошенько запомни. Не послушаешь меня – пожалеешь!

– Зачем?

– А затем, что окажу я тебе услугу. Оно, может, и должок-то мой если не сравняется, так чуть меньше станет.

– Какую услугу? – вяло спросила Ирка.

Ей ничего не хотелось. Она смотрела на жука, который полз по деревянному полу к ее ноге. Не дополз немного и нырнул под доски. Под полом вагончика было сыро. Мох, подгнивающее дерево. Самое место для жуков.

– Мне, родная моя, будущее открыто. Не то чтобы совсем, да только порой у меня словно окошко туда открывается. Веришь? – сказала Мамзелькина.

Ирка пожала плечами.

– Допустим верю. Что из того?

– Возьми банку какую захочешь, налей воды до половины и пусть у тебя вода все время в комнате стоит, – продолжала Мамзелькина. – Придут к тебе скоро. Говорить с тобой будут, пугать тебя будут. Ты нет-нет, а на воду посмотри. Если зарябила вода – значит, солгали тебе. Если не зарябила – значит, правду сказали. Запомнила?

Ирка на мгновение закрыла глаза.

– А еще предложение тебе сделают, голубка. Какое именно – не знаю. Ты от предложения не отказывайся и совесть свою подальше заткни, если бунтовать будет. Там уж сама сообразишь, что к чему. Да только требуй, чтобы тебе дали перчатку с левой руки. С правой не бери… И клятв, смотри, никаких не давай! Говори, мол, подумаю, а там как карта ляжет.

– А что за предложение? И кто придет? – спросила Ирка.

Мамзелькина встала с лавки, опираясь на косу. Маленькая, согнутая, пугающе бодрая.

– Того я и сама не знаю. За что купила – за то и продаю. Прощай, голубка!.. О, некромаг наш прочухался! С добрым утречком, молодой и суровый! Ты на меня, старушку, зла-то не держи.

Ирка оглянулась на Багрова и увидела, что тот, действительно, открыл глаза и недоумевающее моргает, пытаясь понять, где он и что с ним. Когда Ирка вновь повернулась к Аиде Плаховне, той уже не было. Лишь похоронный звон ее косы висел в воздухе.

Глава 3

ЗАГЛОТ

«Будь патриотом! Убей персидского кота! Купи сибирского!»

Социальная реклама мрака

Пока Меф и Дафна собирались на Лысую Гору, Улита сидела и злобно грызла ногти. Она была не в духе.

– Все равно, Буслаев, никуда ты от мрака не денешься! Отдашь ему свой эйдос как миленький. А не отдашь, так в свой же дарх его засунешь. Тут без вариантов, – внезапно заявила она Мефу.

– Почему?

Вместо ногтя Улита укусила себя за палец. Ойкнула, посмотрела на ранку и слизнула капельку крови.

– Хорошая кровь. Железа много. Гемоглобин высокий, – оценила она со знанием дела.

– Так, почему?

– Есть закон один. Один из основных законов мрака.

– Какой, первый? – спросил Меф.

– Нет, первый: «Если враг сдается, его добивают». А этот тридцатый или что-то в этом духе. Формулируется он так: «Человек – это то, чем он занимается и ничего больше. Все остальное иллюзия и самообман».

– Как это?

– А так, Меф. Объясняю: отлови на улице обычнейшего человека, самого заурядного и заставь его на птицеферме кур электричеством убивать. По двенадцать тысяч штук в день, или сколько там положено? Он поначалу морщиться станет, отворачиваться, а через недельку попривыкнет и хоть зубами тебе курицу загрызет, из одного удовольствия, – заявила ведьма.

– Не верю, – сказала Дафна.

– А чего тут не верить? Только первый шаг и труден. А там уж, если покатился с горочки, то быстрее и быстрее. Вот взять хоть меня. Кто я сейчас? Ведьма-секретарша. Ну стерва, ну суккубов по мордасам бью. А была я такой изначально? Родилась я, что ли, секретаршей? Нет, ясный перец! Да я в детстве по часу плакала, когда волк в сказке барашка съедал. Засыпаешь, а на подушке пятно мокрое… А теперь дай мне этого барашка и бензопилу – и увидишь, что будет.

Улита вновь хотела укусить себя за палец, но передумала и просто стала ковырять ногтем в зубах.

– Ерунда! Человек способен к сопротивлению, – сказал Меф.

Ведьма ехидно улыбнулась.

– К сопротивлению: да. Но к сопротивлению мгновенному, разовому. Когда же среда давит и окружение – тут уж кому сопротивляться-то? Не с ножом же на тебя нападают. И сам не заметишь, как изменишься. Человек-то мягкий, как пластилин. Комиссионеры, они тоже не на пустом месте придуманы.

– Все равно ерунда!

– Да совсем не ерунда, а закон мрака! – рассвирепела Улита. – Возьми я сейчас твою светленькую Дафну за шкирман и, к примеру, заставь ее работать паспортисткой в отделении милиции. Она пару лет протоскует, а там такой лихой паспортисткой заделается, что мама не горюй. И дверью начнет хлопать и сто таджиков в одной комнате пропишет – тут уж как пить дать. Собака она тоже, знаешь, поначалу неохотно на цепи сидит. А пооботрется чуток – уже никуда из конуры не хочет.

Дафна подошла и мягко подула Улите на волосы. Она умела так дуть, что мигом сдувала все заботы. Лицо ведьмы разгладилось.

– Ладно, проехали! Но вообще, светлая, готовься! Хочешь, чтобы о тебе все говорили и все тебя ценили? Стань сволочью! – буркнула она.

– А другой способ есть? Хороший?

– Есть и хороший. Стань хорошей сволочью… Ну все, забыли, я снова добрая!

Арей вышел из кабинета. Он был в сером длинном плаще с капюшоном. Под плащом угадывалась кольчуга. Поверх плаща барон мрака наложил маскирующее заклинание. Теперь для любого прохожего Арей был просто массивным мужчиной средних лет с перебитым носом, одетым в темно-синий мешковатый костюм и черную рубашку без галстука. Какой-нибудь частный охранник из бывших спортсменов, продремавший смену на складе бытовой техники между коробками с ксероксами.

Ох, не обижайте этого дядю, люди! Дядя старый, дядя сердитый. И вообще так ли вам надо выходить сегодня из дома?

– На Лысую Гору? – спросила Даф.

– Да. Ты, светлая, Мефодий и Улита – со мной. Меф, предупреди остальных, чтобы заперлись в резиденции и никого не пускали, пока мы не вернемся! Явятся комиссионеры или суккубы – гнать в шею.

Меф облизал губы.

– Телепортируем? – спросил он.

Процесс телепортации он очень не любил. Это было не столько болезненно, сколько противно. Ощущать, как ты становишься набором молекул, которые исчезают в одной точке пространства и собираются из ничего в другой, не особенно приятно.

– Да, но не отсюда. Из резиденции мы телепортировать не можем. Лигул немедленно узнает точку нашего прибытия, – продолжал Арей.

– Тогда как?

– В Москве есть единственное место, откуда мы можем телепортировать относительно безопасно, оставшись незамеченными. Туда мы и отправимся, – сказал Арей, не поясняя, впрочем, что это за место.

Когда Меф поднялся наверх, чтобы выполнить поручение, гостиная второго этажа была пуста. Он поочередно постучал в комнаты Наты и Мошкина. Ему никто не ответил. Тогда, уже по умолчанию, он толкнул дверь комнаты Чимоданова. Под ногами у него проскочил Зудука, как обычно что-то злоумышляющий.

– Эй! – окликнул Меф.

Его не услышали. Мошкин и Чимоданов сидели на стульях друг против друга и играли в «поцелуй меня, кирпич!». Вены на висках у обоих вздулись от напряжения. Между ними по воздуху с приличной скоростью летал тяжелый альбом с фотографиями.

Правила игры были просты как все тупое. Ученики стражей или маги садились на стулья в восьми-девяти шагах друг от друга и закладывали руки за спину. Затем кто-то из играющих поднимал взглядом предмет и бросал его в лицо противнику. Тот должен был остановить его глазами и вернуть в нападавшего. Проигравшим считался либо тот, кто первым пропускал удар, либо тот, кто терял самообладание и пытался защититься от летящего предмета руками.

Ната, по-турецки скрестив ноги, сидела на кровати у Чимоданова и лениво наблюдала за схваткой.

– Эй! – крикнул Меф еще громче.

Чимоданов на миг отвлекся и тотчас, получив альбомом в глаз, опрокинулся вместе со стулом.

– Я тебя не ушиб, нет? Тебе ведь не больно, да? – всполошился Мошкин.

– Щекотно, даун! – злобно ответил с пола Петруччо. Под глазом у него созревал крупный фингал.

– Ты сердишься, да? Говоришь мне плохие слова, потому что я тебя расстроил? – не понял Мошкин.

Это было уже слишком. Петруччо зарычал как голодный вурдалак и бросился его душить. Меф кашлянул.

– Мы уезжаем. Вы остаетесь, – сказал он Нате, единственной, кто был в состоянии его услышать.

Ната подняла правую ногу и прощально пошевелила пальцами.

– И что я должна сделать? Помахать из окна платочком? – поинтересовалась она ехидно.

– Запереть дверь и начертить на всех стенах защитные руны. И никому не открывать. Ни одной живой душе, – сказал Меф.

– Ну живые души тут не особо часто и бывают, – заметила Ната.

Ничего больше она не добавила, однако по ее интонации Меф понял, что повторять не требуется. При всех своих тараканах дурой Вихрова отнюдь не была, да и чувство самосохранения имела могучее, как титановый нагрудник. Он повернулся и, перешагнув через дерущихся Мошкина и Чимоданова, направился к лестнице.

– Эй, стой! – окликнула его Ната, когда он был уже на второй ступеньке.

Меф остановился. Повернулся.

– Чего?

– На всякий случай… Если что, я смогу послать SMS? Ну туда, где вы будете? – будто невзначай спросила Вихрова.

– Вряд ли, – сказал Меф.

Он не был уверен, что на Лысой Горе есть мобильная связь. Хотя, с другой стороны, Киев там вроде недалеко. Теоретически покрытие должно быть.

Ната кивнула, принимая «вряд ли» к сведению.

– Была у меня подруга, – сказала она в пространство. – Однажды она поругалась с приятелем, выскочила из его машины на перекрестке, а он послал ей вслед оскорбительное SMS. Она была убита. Если бы он просто заорал из окна, она бы простила.

Мошкин перестал сопротивляться. Он лежал на спине и насмешливо смотрел на пыхтящего Петруччо, который дергал его за ворот свитера.

– Ну и что? У меня тоже родители как-то месяц не разговаривали. Даже в кухне за столом не могли сидеть вместе. Когда один приходил, другой вылетал как пробка. А когда нужно было что-то сказать, отец посылал матери эсэмэску. Из соседней комнаты, – сообщил Мошкин.

В глазах у Наты появилось нечто маниакально-мечтательное.

– И она отвечала? – поинтересовалась она.

– Да. Иногда тоже эсэмэской. Иногда по электронной почте, – сказал Евгеша.

Меф спустился, думая про себя, что ему нравится его поколение. Если в детях природа отдыхает, то во внуках она просто отрывается.

* * *

– Обожаю метро! Не как транспорт, а как место для свиданий! Бродишь вся такая в приятных предчувствиях и ищешь памятник то на кольцевой, то на радиальной. Памятник, конечно, какой-нибудь мелкий и хилый. В метро других не бывает. А под памятником, тихо психуя, тебя уже ждет рыцарь с веником украденных на кладбище гвоздик. Если, конечно, не перепутал день недели и десять утра с десятью вечера, – заявила Улита, спускаясь в подземный переход с мерцающей буквой «М».

– Сколько можно говорить о любви?

Арей остановился и не без интереса стал изучать витрину сувенирного киоска. В город пешком он выбирался крайне редко, а потому многое казалось ему новым и удивляло его.

– Тогда давайте я буду говорить о росте курса эйдосов на вселенской бирже, – с вызовом предложила Улита.

– Уволь меня от этого! Ненавижу, когда женщины берутся рассуждать о финансовых делах. От всех вселенских вопросов их элементарно можно отвлечь дебильным спором, как лучше разместить бриллианты на крышке золотой пудреницы, – сказал Арей, не отрывая глаз от витрины.

– Тогда я буду рассуждать о битвах! Забацаю речь часа на два о том, как один дурак запустил в другого фаерболом и случайно попал в своего двоюродного дедушку, потому что второму дураку мучительно захотелось завязать шнурок на ботинке. И как его двоюродный дедушка за это отстрелил ему нос серебряной пулей с крестообразной насе... – Улита прервалась, поняв, что Арей ее не слушает.

– Смотри-ка, Теночтитлан и Ло-а-ару. И сюда просочились! – сказал он, с ухмылкой показывая на две керамические фигурки. Фигурки изображали лупоглазых толстячков, сидящих на корточках. Рядом с одним на картонке было написано: «Погладь меня по пузику – получишь счастье!»

– Кто-кто?

– Теночтитлан и Ло-а-ару. Два божества ацтеков, перешедшие на сторону мрака. Наделены даром предвидения. Лигул использует их на полную катушку.

– Это те два дегенерата, которых ацтеки кормили сырым человеческим мясом? – спросила Даф, что-то припоминая.

– Они самые. Хотел бы я увидеть того лопухоида, который погладит фигурку Теночтитлана по пузику, да еще если на пальце у него случайно окажется ссадина. Боюсь, родственники долго не забудут его осчастливленного лица, – хмыкнул Арей и продолжил путь.

Промелькнули газетный киоск, киоск фототоваров, две стекляшки с дисками и магазинчик женской одежды. Почему-то в последнем сидела не продавщица, а унылый-преунылый дядечка, по лицу которого никак нельзя было предположить, что он что-то понимает в своем капризном товаре.

– Только попробуй! Схлопочешь! – сказал Арей не оборачиваясь.

Улита разочарованно вздохнула и побрела за ним. Меф так и не понял, что именно она собиралась попробовать. Несмотря на то что момент был не самый располагающий, ведьма отрывалась на полную катушку. Даже близость начальства не портила ей настроение. Она стала забавляться с турникетами, заставляя их срабатывать от обычных календариков.

К Даф, на плече у которой сидел Депресняк, подошла суровая контролерша и, потрясая свистком, заявила, что с кошками в метро нельзя. Депресняк не перенес такого унижения и сердито зашипел.

– Это не кошка! Это ребенок! – сказал Меф и быстро провел ладонью перед глазами контролерши.

– Ты что, пацан, сбрендил? Дурой меня считаешь? Я что, кошки от… – с яростью набросилась на него контролерша и вдруг застыла, открыв рот.

– Наш младшенький. Кирюшечка. Еще есть двое старшеньких, но они с бабушкой дома сидят, – сказал Меф, делая шаг в сторону, чтобы Дафна не достала его пинком.

Улита выудила в толпе смешного парня с редкой бороденкой в двенадцать волосинок. Такие бороденки любят носить студенты первого-второго курсов, чтобы было что выщипывать на экзаменах.

– Молодой человек, спросить можно? Что вы за розу такую купили? Палка длинная, а бутон крошечный? Это чтобы ваша девушка могла почесать себе спину? – пристала к нему Улита.

Так и не дождавшись ответа, ведьма потеряла к парню интерес и занялась другими пассажирами. К тому времени они были уже на эскалаторе, а потом и

на платформе.

– Эй, мужчина, вы мне на ногу наступили! А если я вам наступлю? Это ж гипс будет, однозначно!.. А вы, девушка, под поезд собрались бросаться? Если нет – тогда закройте «Аннушку Каренину» и отойдите от края платформы.

Подошел грохочущий состав. Арей вошел и сразу занял удобный закуток у двери. Дафну с котом и Мефа толпой пронесло в середину вагона. Улита, слишком массивная, чтобы ее можно было толкать безнаказанно, ухитрилась остаться где-то недалеко от Арея.

Станции четыре ведьма смирно изучала схему метрополитена, трогала пальцем поручень и вздыхала с вызывающей тоской так, что щелкали челюсти. Неожиданно она резко повернулась. Мефодий услышал, как она громко спросила у кого-то:

– Что вы ко мне прижимаетесь, юноша? Вам морально тяжело и хочется, чтобы кто-то был рядом?

Какой-то тощий, юркий человечек в джинсовой куртке, запаниковав, стал быстро отодвигаться, стараясь затеряться в толпе. Ведьма поймала его за запястье.

– Ну-ка, стойте! Я-то думала, вы прижимальщик, хотела подарить вам немного человеческого тепла, а вы, оказывается, по другой части!

– Отпустите меня! – прошипел человечек, дергая руку.

– Не отпущу! – Улита внимательно всмотрелась ему в лоб. Глаза ее скользили по лбу, как по книжным строчкам. – Кто у нас тут? Ага, Чпыня Лев Александрович, 1985 года рождения. Паспорт серии 43 843657, выдан Преображенским ОВД г. Морквы... Что губки надул? Ну пусть Москвы. Род занятий – вор-карманник. Прорезает сумочки заточенной монетой. Уровень профессионального мастерства низкий. Специализируется на женщинах. Мужчин справедливо опасается и таскает бумажники только у пьяных или сонных, – громко прочитала Улита.

Не жалея свою руку, которую ведьма ободрала ногтями, человечек пугливо рванулся и скользнул в открывшуюся дверь.

– Ну разве не тоска зеленая? Не успеешь познакомиться, а тебя уже бросают! – сказала Улита, обращаясь к вагону.

Через пару станций Арей вышел и, не оглядываясь, пошел вдоль платформы. Ведьма, монументальная, как ледокол, с легкостью проложила себе дорогу.

– А ну брысь! Я пачкаюсь! Я вся в штукатурке! – сообщала она тем, кто медлил уступить ей дорогу.

Зато Мефодий и Дафна едва протолкались, сносимые устремившимся в вагон встречным потоком.

– Поберегись! У нас заразный буйный кот! – кричал Меф, однако пассажиры почему-то буйного заразного кота не боялись. Наверное, сами были буйные и заразные.

Применять узконаправленную раздвигающую магию в вагоне было чревато. Могли быть жертвы. Кроме того, всякое Подземье – а метро относится к Верхнему Подземью – полно нежити и малопонятных энергетических существ, прорвавшихся некогда из других реальностей в результате всяких аномалий. Подняться на поверхность эти существа не могут. Глубины менее ста метров для них губительны. Однако здесь их мир, их царство. Кроме того, на некоторых ветках, особенно в центре города, встречаются неупокоенные души диггеров и метростроевцев. Последние обычно предпочитают одиночество и бродят в тоннелях. Это их бледные, полубезумные лица проносятся порой в окнах вагонов. Сильный заряд магии может притянуть эти существа, и, как мотыльки на свет, беспокойные духи хлынут на станцию.

Повиливая последним вагоном, как пес хвостом, поезд втянул свое расхлябанное туловище в тоннель. К этому времени Арей оказался у мутного металлического зеркала, в которое машинист обычно смотрит перед тем, как закрыть двери. Убедившись, что рядом никого нет, барон мрака начертил на пыльном зеркале руну. Дождавшись, пока руна вспыхнет, Арей тяжело подпрыгнул и, животом перевалившись через край рамы, исчез. Меф видел, как он уходит в пустоту отражавшейся станции. Станции, на которой был только он один...

Буслаев невольно наклонился и посмотрел на зеркало снизу. Обычное, чуть выпуклое, в раме. Вот Арей остановился, нетерпеливо оглянулся, махнул рукой.

– Помоги девушкам! Поработай ступенькой! – сказала Улита.

Когда Меф опустился на четвереньки, ведьма без церемоний наступила на спину крякнувшему Мефу, и настолько ловко, насколько позволяли ей габариты, забралась в зеркало. Даф последовала за ней. Ее легкая нога едва коснулась плеча Мефа. Буслаев поднялся. Улита уже стояла рядом с Ареем. Даф ловила Депресняка, которому вздумалось поцарапать когтями мрамор. На мраморе оставались следы.

Мефодий оглянулся. Платформа уже наполнялась народом. Некоторые удивленно поглядывали в его сторону. «Неважно… Легендой больше, легендой меньше», – подумал Меф. Он разбежался, подпрыгнул и, пройдя сквозь зеркало, пропустившее его с некоторым затруднением, оказался по ту сторону.

Руна медленно растаяла. В зеркале появились станция с пассажирами и круглые зрачки приближавшегося из тоннеля поезда.

* * *

– Где мы? – спросил Меф.

Ни поездов. Ни пассажиров. Только лампы горят в пустоте, высвечивая уходящую вдаль платформу.

– Да нигде особенно. В заглоте, – сказал Арей небрежно.

– В заглоте?

– Параллельные миры параллельны только в теории. На деле же магические поля иногда пересекаются. В результате часто случается так, что на пересечениях миров возникают дубли. Так называемые междумирия или точки перехода. Разумеется, такие дыры мы затыкаем, но на всякий случай запоминаем точки входа и выхода. Они, кстати, редко совпадают.

– Почему редко совпадают?

Арей подошел к врезанной в стену скамье. Всунутая горлышком между деревянными планками, в ней торчала пустая бутылка из-под ситро, которое не выпускалось уже лет двадцать. Должно быть, бутылка была на настоящей станции в день, когда заглот возник, и, продублированная, осталась навеки.

– А нипочему. Просто не совпадают и все, – ответил барон мрака. Похоже, он никогда не задавался таким вопросом.

– Смотри!

Арей подошел к стене и, не жалея меча, ударил по сероватому с искрой мрамору, который почему-то так довлеет над воображением архитекторов метрополитена. Клинок прочертил на мраморе длинный, сразу затянувшийся след. Меф невольно посмотрел вниз, на ту плиту, которую Депресняк драл когтями. Да, так и есть. И там узкие шрамы на мраморе успели закрыться.

–Заглот– странное место. Место вне всего, ничейная земля. Повредить заглотунельзя и нарушить здесь тоже ничего нельзя. Разбей бутылку, сдуй паутину, сдвинь хоть соринку – все восстановится и вернется. Даже наши способности тут ослаблены, – сказал мечник.

– И мои? – недоверчиво спросила Дафна.

– Разумеется. Откуда ты, Даф, черпаешь твои силы? – спросил Арей.

Даф замялась.

– Вы же знаете откуда. Их вызывает флейта, – сказала она.

Арей опустил меч, не возвращая его в ножны. Лезвие было тусклое, с зазубринами. Выглядело тупым. Не верилось, что им можно в принципе что-то перерубить. Но так казалось лишь тому, кто не ведал страшной силы кистевого удара Арея. Не знал лукавой хитрости его заговоренного клинка, который за мгновение до соприкосновения с целью становился острее бритвы.

Арей медленно покачал головой.

– Ответ очень приблизительный. Флейта – всего лишь инструмент материализации сил света в маголодию. Я говорил об ином. О том, что сил, которые можно было бы назвать конкретнотвоими, не существует.

– Почему это? – растерялась Дафна.

– Твои силы – часть общей энергии света. Единый колодец добра, из которого черпают все, имеющие такое право. Право – это твои бронзовые крылышки, через которые проходит энергия. Если бы твои крылья были золотыми, твой допуск был бы выше. Не так ли?

– Теперь я поняла, о чем вы. Вы очень точно выразили мою собственную мысль, – сказала Даф, имевшая большой опыт сдачи экзаменов.

Арей ухмыльнулся, оценив эту осторожную колкость.

– Ну хорошо, со светом проехали. А что у нас с силой мрака? – продолжал он.

Начальник русского отдела не смотрел на Мефа, но тот и без того понял, что вопрос обращен к нему.

– Ну тут есть разные версии. По одной из них, у мрака нет собственных сил. Его силы – это искаженные силы добра. Грязь, грехи, тоска. Зло, если брать его суть, это сгнившее, испорченное, умершее добро. За века мрака накопилось столько, что силы уравновесились. Силу мрака призывают эйдосами. Эйдосы, хранящиеся в дархе, помогают мраку материализоваться. Еще есть энергия артефактов, но это уже не самостоятельная сила, а лишь способ накопления и сохранения магии. Другими словами, исчезни начальная сила мрака, все темные артефакты стали бы вмиг бесполезны, – не задумываясь, бойко ответил Меф.

Арей благосклонно кивнул.

– Недурно, синьор помидор! Хорошая все-таки штука руна школяра!

– Кому как, – с ненавистью сказал Меф.

Сколько раз ему пришлось корчиться от боли и приходить в себя, лишь когда лба его касались живительные руки Дафны. Арей не стал ему сочувствовать. Жалеть кого-то не путь мрака. Да и свет последнее время все чаще склонен разделять этот подход. Жалость унижает, если она пассивная. Активная же жалость предполагает действия и поступки, противоречащие самой сути мрака.

– Итак, заглот, – продолжал Арей. – Он лишен магии, не пропускает извне свет и мрак, и потому они тлеют здесь едва-едва. Лишь отраженным сиянием эйдосов в дархе и бронзовых крыльев. Единственный, кто обладает в заглотеполной силой – ты, Меф. Ты сам себе колодец.

Арей коротко поклонился Мефу.

– Но не зазнавайся, синьор помидор! Кое-что ты умеешь, однако твой путь к познанию только начинается. Три стадии проходит каждый, кто хочет стать первым: преклонение перед авторитетами, осознанное следование авторитетам, отказ от авторитетов. Только так можно проложить собственный путь. Другое дело, что нельзя отказаться от авторитетов слишком рано. Не стоит выпрыгивать из поезда, пока он не подошел к конечной станции. Все равно будешь тащиться по той же насыпи, сбивая в кровь ноги. Вначале сравняйся с авторитетами и лишь потом перешагни.

Меф неосторожно сделал несколько шагов и внезапно уткнулся во что-то вязко-упругое, оттолкнувшее его от себя. Преграда. Откуда она здесь взялась – загадка. Визуально тоннель продолжался и дальше. Голову Меф интуитивно успел убрать, но плечом зацепил.

– Что это было?

– Я же говорил: заглот. Случайная аномалия, междумирие. Всех твоих сил не хватило бы, чтобы выпустить на ту сторону даже муху, – пояснил Арей.

Меф недоверчиво отступил на шаг и сильно толкнул стену ногой. Он ожидал удара, сопротивления упругой стены, но на этот раз все было иначе. Нога провалилась в пустоту и исчезла. Меф с криком отпрыгнул.

– В другой раз так не делай. Там вполне мог оказаться пес. Ты остался бы без ноги. Причем боли бы не ощутил, пока не выдернул бы назад обрубок, –

спокойно предупредил Арей.

Меф подумал, что это шутка.

– Пес? Собака, что ли? – спросил он.

– Скорее всего нет. Так их называют. Существа, охраняющие границу между мирами. Никто не знает, как велика эта граница. Метр? Десять метров? Километр? Но ее охраняют. И очень неплохо. Однажды я в этом уже убедился, – спокойно заметил Арей.

– Как?

Арей коснулся короткопалой ладонью рукояти меча.

– Как-то в подобном заглоте– нет, не в этом, расслабься, Даф! – у меня была дуэль. Уже не суть важно с кем. Скажу только, что это был златокрылый, довольно высокого ранга и хороший боец. Спасаясь от моего меча, он отпрыгнул: ему нужна была дистанция для маголодии. Случилось так, что его голова оказалась по ту сторону. Так же, как сейчас твоя нога, Меф. Раз – и я перестал ее видеть. Тело дернулось и осело. Я оттащил златокрылого за плечи. Головы не было. Откромсали ее очень неаккуратно. Огрызли лицо, часть шеи, мозг, но оставили полоску скальпа и ухо. Я не смог даже снять его золотые крылья. Они тоже оказались там.

– Это были псы? – спросил Меф.

Арей дернул плечом.

– Похоже на то. Причем его голова пробыла по ту сторону не больше секунды. Я ничего не слышал. Ни шороха, ни крика… Но они, псы, должны были нас слышать. Возможно, их привлек шум боя, и они скопились там, ожидая. И знаешь, что мне кажется?

Меф молчал, чтобы не задавать очевидного вопроса. Не надувать впустую строчки в многостраничной книге жизни.

– Я думаю, что там, с границы, псы хорошо нас видят. Тогда их привлек долгий шум. Сейчас же они, без сомнения, учуяли попытку проникновения, – закончил Арей.

Меф осторожно приблизился к стене, ощущая щекой осторожное покалывание магического поля. Ему неприятна была мысль, что с границы на них кто-то смотрит. Кто-то злобный, осторожный и внимательный. Смотрит и ждет, пока они совершат первую ошибку.

Он явственно видел крупную серую плитку по ту сторону границы. Такую же, как у него под ногами. Дальше виднелось зеркало, точный двойник того, через которое они недавно пролезли. Справа над зеркалом висели обычные для метро электронные часы.

12:35:32

12:35:33

12:35:34

Цифры менялись, скользя в бесконечность. Точно капли падали с невидимой нити.

– В нашем мире ровно на секунду меньше. Или больше. Точно не помню. Но знаю, что разница ровно в секунду, – сказал Арей, проследив направление его взгляда.

– Там уже параллельный мир? – спросил Меф.

– Нет. Еще один заглот. Но уже их заглот. Параллельный мир начнется, если пролезть вон в то зеркало. Так во всяком случае должно быть по логике вещей. Симметрия миров и все такое. Во всяком случае второй границы между их заглотоми их миромуже нет, как не было ее и в нашем.

Мефодий вновь ощутил желание протянуть руку и коснуться незримой преграды.

– И вы никогда там не были? Даже не хотелось попасть в параллельный мир?

Барон мрака посмотрел на него взглядом прозектора, под скальпелем которого неожиданно зашевелился труп.

– У меня нет там никаких дел. Там ни у кого нет никаких дел. Единственная прелесть заглота– отсюда можно телепортировать незаметно как для света, так и для мрака, – сказал он подчеркнуто сухо.

Арей отошел от стены и мечом стал очерчивать круг, готовя площадку для групповой телепортации.

– Слушай, мне неприятна эта мысль. То, что там, за стеной, граница, где не действуют вообще никакие законы. Ни света, ни мрака... Может, там остатки хаоса? – шепотом сказала Дафна, обращаясь к Мефу.

Меф ничего не ответил. Он и сам не знал.

* * *

Когда круг был очерчен, Арей запахнул Улиту и Даф своим плащом и вопросительно оглянулся на Мефа. Меф в последний раз бросил взгляд в соседний заглот. На миг ему показалось, что в отдаленном зеркале быстро скользят фигуры, не имеющие определенных очертаний. Однако рассмотреть он уже ничего не успел.

Горячая золотистая искра опалила Мефу нос. Арей не любил ждать. Нетерпение – визитная карточка мрака. Меф поспешно скользнул под плащ, и, садясь на корточки, оцарапал щеку рукоятью меча Арея. Светлые волосы Даф были охвачены холодным серебристым огнем. Не успел Меф задуматься, не является ли это реакцией на элементарную магию, как тело его стало прозрачным и раздробилось на миллионы крошечных искр. И все они понеслись куда-то. Где-то рядом, Меф чувствовал это, летели и остальные. Дробный, продолжавший мыслить рой.

Не успел Меф осознать себя частью гигантского роя, как все закончилось. Они стояли на голом каменистом склоне, на «проплешине» Лысой Горы. К старой каменной стене лепились похожие на соты дома.

Улита деловито ощупала свое лицо и волосы.

– Какая жалость! Обменяться телами с Дафной мне опять не удалось, – ехидно заявила она.

Арей внимательно всматривался в даль. На дороге, ведущей от ворот поселка, появилась громоздкая телега. На телеге лежало что-то бело-серебристое, трепещущее. Сзади бодро шагали два мордатых, закованных в броню арбалетчика.

– Русалку депортируют, – заметил барон мрака.

– Куда?

– Все туда же. В болото. Все равно без толку. Ночью опять вынырнет в каком-нибудь колодце и начнет колобродить.

Мечник решительно отступил за большой камень. Телега с русалкой уже скрипела поблизости.

– Имейте в виду, здесь мы инкогнито. Наш визит должен остаться в тайне, – объяснил мечник.

– А если кто-то сильно захочет выяснить, кто мы такие? – спросила Дафна.

Арей насмешливо взглянул на нее.

– На Лысой Горе никто не проявляет особенного любопытства. Тут каждому второму есть что утаивать. Каждый третий скрывается от закона. Каждый четвертый не может спокойно смотреть на томатный сок. Каждый пятый не имеет материального тела. Каждого шестого убивают чаще, чем раз в неделю, и ему это порядком надоело… Но все же сильно наглеть не стоит!

Говоря это, Арей развернул к себе Даф и бесцеремонно, точно имел дело с пластилином, что-то сделал с ее лицом. Депресняк зашипел, когда Арей мимоходом коснулся его круглой морды. После Даф наступила очередь Улиты и Мефа. Мефодий почувствовал, как ему больно мнут щеки. Что-то незримое,

отслаивающееся и неприятное, как высохший клей, прилипло к коже.

– Не пытайся снять. Это вторая личина! – предупредил Арей.

Меф обернулся и не узнал своих спутников. Барон мрака был не чужд черного юмора. Дафну он превратил в молодящуюся ведьму с тонкими зеленоватыми губами и фарфоровыми зубами. В руках ведьма держала жирного, ощипанного до кожи мопса, утыканного наркоманскими иглами. Мопс пытался по-кошачьи изогнуться, но его заплывшая спина не была предназначена для таких движений, и он лишь простуженно лаял. Улита сильно высохла, вытянулась и стала похожа на королеву красоты в истощенном формате куклы Барби. Правда, на королеву, которую соперницы слегка облили серной кислотой из пузырька.

Сам себя Арей превратил в горбатую бабку-ведунью, завернутую в темные тряпки. Его грозный меч стал клюкой.

– Заметь, это не просто вторая личина. Это вторая личина с подстегом, – произнес барон мрака не без гордости.

– Как это?

– Ну взять хоть тебя, Меф. Неопытный маг увидит просто подгулявшего мертвяка, который перепутал день с ночью. Маг более опытный, из тех, что привык не доверять глазам, подключит истинное зрение и попытается проникнуть под твою личину. И увидит... хе-хе... придунайского вампира, соскучившегося по первой положительной... А теперь тихо! Больше никаких имен!

Телега была уже совсем близко. Арей спокойно вышел из-за камня ей навстречу. Арбалетчики равнодушно покосились в его сторону. Зеленоволосая русалка лежала на соломе и лениво шевелила хвостом. Ей было жарко. На пахнущий сырой рыбой хвост садились мухи.

– Как служится, соколики? Неделя за год, год за век? – спросил Арей, даже не пытаясь изменить голос. Видимо, личина делала это за него.

Молодой широкомордый арбалетчик вскинул на него глаза и сразу отвернулся.

– Вали, бабка! – процедил он сквозь зубы.

Старуха-ведунья поклонилась и, опираясь на клюку, заковыляла к поселку. Да-да, заковыляла. Именно так показалось Мефу. Несмотря на это, он нагнал Арея только у частокола.

В это время года Лысая Гора выглядела неплохо. Особенно живописны были ее дворики, удаленные от широких улиц с магазинами и присутственными местами. Затененные виноградом, с пирамидальными тополями, с черепичными крышами, с цветущими яблонями, прекрасные места эти, казалось, специально были предназначены мирозданием для медленной и степенной деградации. Годы здесь проносились как дни, и если бы не бессмертие многих лысогорцев, их жизнь просвистела бы мгновенно, как скорый поезд мимо заплеванного полустанка.

Над дорогой висела полоса зноя. Все, что было живого (на Лысой Горе данное понятие воспринималось расплывчато), пряталось в садах или под крышами. Лишь пустые ведра проплывали к колодцу, охраняемые от вороватых соседей драчливыми коромыслами, или воинственно хлопал крыльями на заборе прогонявший василисков петух.

Дважды на перекрестках попадались торговки. Прячась в тени и болтая, они нет-нет да бросали взгляды на столики со своим немудреным товаром. Там, на газетках, кроме семечек, обычных в этих местах, жарились на солнце сушеные глаза, пораженные грибком ногти и какая-нибудь экзотика, вроде позвоночных дисков великана, дающих силу в бою. Одна бойкая торговка выложила на газетке штук пять пузырьков с каплями берсерка.

Меф забавы ради хотел купить (торговка уже лениво завозилась, настраиваясь, чтобы подойти к столику), но Улита вежливо сказала:

– Не спеши, родной, а то успеешь! Ты когда-нибудь видел в Китае берсерков?

– Почему в Китае?

– Потому что это китайская подделка. В лучшем случае там вода из лужи.

Меф разглядел пузырек и убедился, что слово «берсерк» на этикетке написано как «биРсеРк», да и русский шрифт подобран как-то стихийно, с миру по нитке, с гарнитуры по букве. Даже буква «И» клонила палочку не в ту сторону.

– Неужели и сюда китайцы пролезли? – спросил Меф с восхищением. Капли он, однако, покупать не стал.

Арей едва виднелся уже в дальнем конце улицы. За все время он ни разу не обернулся и не проверил, успевают ли за ним его спутники. Когда Мефодий, Дафна и Улита подбежали, то там, где мечник мелькнул в последний раз, его уже не было. От колодца расходились две дороги. Одна – прямая, от другой разбегались многочисленные проулки.

Мефодий хотел сосредоточиться и нашарить отклик сознания Арея, но кто-то предупреждающе положил руку ему на плечо. Мефодий обернулся. Ему пришлось напомнить себе, что эта молодящаяся тетка с фарфоровыми зубами – Дафна, а заплывшая, задавленная жиром собачка – Депресняк. Хотя и он сам, если разобраться, выглядел как хорошо отлежавшийся мертвяк. Едва ли Даф получала наслаждение, разглядывая его.

– Э-э… да?

– Не надо магии!

– Почему?

– Видишь тех двоих?

– Где?

Даф глазами показала на две серые фигуры, прильнувшие к земле у покосившейся ограды, обвитой виноградом. Фигуры были небольшие, плоские, обмотанные тряпьем. Особого опасения у Мефа они не вызывали.

– Увидел? А теперь быстро отвернись! – велела Дафна.

– Зачем?

– Ты передаешь им силу. Когда ты на них смотришь, даже случайно – они тебя считывают. Не давай им касаться твоего запястья, шеи. Избегай смотреть в глаза. Ты их тревожишь. Они смутно ощущают, что ты неправильный мертвяк. От тебя исходит сила. От таких ее не скроешь. Вон как завозились!

– Кто они?

– Потом скажу! Хорошо, что не видят глубже первой личины. Но все равно чувствуют… Идем отсюда! Я знаю, где Арей, – Дафна потянула его за руку по крайней дороге.

Меф спиной ощущал, что обе плоские фигуры упорно ползут за ними. Полоска меча, томящегося за спиной в ножнах, обжигала ему кожу.

Глава 4

ДВУЛИКИЙ

Поэтому у полководца есть пять опасностей: если он будет стремиться во что бы то ни стало умереть, он может быть убитым; если он будет стремиться во что бы то ни стало остаться в живых, он может попасть в плен; если он будет скор на гнев, его могут презирать; если он будет излишне щепетилен к себе, его могут оскорбить; если он будет любить людей, его могут обессилить.

Сунь-Цзы

Ближе к вечеру Багров вновь умчался в Серебряный Бор. Расстались они с Иркой не то чтобы в ссоре, но во взаимном неудовольствии. Ирка знала, что почти наверняка Матвей сидит сейчас на перевернутой старой лодке и тоскливыми глазами смотрит вдаль. Не исключено, что кто-то из девчонок, которых много в Серебряном Бору, подойдет и сядет рядом. «Девушки любят несчастных и таинственных», – подумала Ирка, испытывая нечто вроде ревности.

Правда, почти сразу Ирка перестала думать о Матвее и упорно стала пытаться забыть Мефодия Буслаева. Выкинуть Мефа из головы вместе с его сколотым зубом, светлым хвостом и идиотскими шуточками. Она соврала Багрову, когда сказала, что не любит Мефа. Любила, еще как.

Возможно, Багров сам был в этом виноват. Вместо того, чтобы дать Ирке благополучно забыть ее первую любовь, вытеснить ее собственным великодушием, умом, великолепной небрежностью сильнейшего, он каждый день напоминал ей о Мефе. Трогал пальцами открытую рану и удивлялся, что она не заживает.

Ирка отошла от зеркала, легла в гамак и стала с силой раскачиваться. Она ужасно злилась на себя. Все эти годы и даже в их последнюю встречу она вела себя с Мефом не так, как ведут себя победительницы. Льнула к нему как глупый доверчивый щенок. Была жалка и нелепа. Робка и неуклюжа. Старалась казаться смелой – и все делала не так.

«Влюбилась как последняя клуша!» – выругала она себя с досадой.

Ирка хорошо себя знала. Во многих важных вещах и особенно в любви, она была жуткая трусиха и перестраховщица. Ко всему относилась недоверчиво. Не разрешала себе обрадоваться и расслабиться, даже когда повод как будто имелся. Подсознательно она изначально готовила себя к поражению. А раз так – эмоционально готовилась к худшему, как человек, который, ожидая удара, напрягает все мышцы и даже если удара нет, все равно теряет силы.

«Аксиома № 1. В напряжении жить нельзя. Пусть жизнь – это бой, но вести его нужно расслабленно и гибко. Я же вечно хожу с таким лицом, словно жду, пока с балкона мне на голову свалится детская ванночка», – подумала Ирка.

Она грызла себя каждый день, да только что толку? Ирка не могла ни расслабиться, ни забыть Мефа, ни элементарно стать проще.

«Я похожа на зануду, который пишет: «Исходя из природных черт моего характера и свойств темперамента, я должен перестать быть занудой с нуля часов завтрашнего дня. Первый отчет о борьбе с занудством должен быть представлен письменно в личном дневнике не позднее 23 часов текущих суток. В противном случае компания по борьбе с занудством будет считаться

несостоявшейся», – издевалась над собой Ирка.

Мысли двигались одна за другой в привычной последовательности, проплывая как корабли по судоходной реке. Ирка же стояла на берегу и смотрела на них. Гамак трудолюбиво раскачивался, убаюкивая ее, пока наконец не преуспел. Глаза закрылись. Ирка уснула.

На лес опустилась ночь. Ветер трепал вершины деревьев. Встревоженные вороны сердито кричали в ветвях. Лишь Антигон топтался в соседней комнатке. Ему не спалось. Кикимор постоял, поплевал в люк, как ночной курильщик на балконе девятиэтажки. На душе у него было смутно и тревожно.

– Ну все, хватит! Выпью чаю с мухоморами и баиньки, – сказал он себе.

Антигон через люк, пыхтя, втащил в кухню ведро с водой и стал переливать из него в котелок. Он так старался не пролить, что даже золотистая вспышка за спиной не заставила его обернуться. Кто-то мягко шагнул к нему сзади и коснулся шеи кикимора коротким жезлом, в котором угадывался отпиленный рог единорога, вручную покрытый забытыми рунами хаоса.

Не выпуская ведра, Антигон повалился лицом вперед. Вода плеснула на раскаленную печь. Белый дым заполнил тесную кухню «Приюта валькирий». Слышно было, как кто-то, тяжело ступая, прошел в дыму и решительно толкнул дверь в комнату Ирки.

* * *

– Валькирия-одиночка, проснись! – хлестнул слух Ирки неприятный, с визгливыми интонациями голос.

Не открывая глаз, Ирка попыталась понять: кто это?

– Валькирия, я всегда отличу спящего человека от того, кто притворяется. У спящего никогда не бывает таких врущих напряженных век!

Когда мужчина говорит тонко и истерично, как женщина, это омерзительно. А когда мужчина еще и втягивает воздух через щелочку губ, получается

отвратительный звук «с-сссю», будто кто-то собирает капли с губ.

Поняв, что притворяться глупо, Ирка села в гамаке, кутаясь в одеяло. Перед ней, постукивая себя по ладони коротким жезлом, стоял кривоногий толстяк с огромной головой и отвисшими щеками. Когда он говорил, щеки его начинали дрожать и дрожали еще долго после того, как он замолкал. Толстяк выглядел нездоровым. Красные глазки слезились. Шея была обмотана грязным белым шарфом – подобные шарфики любят носить стареющие поэты, чтобы, покушав блинчиков, было чем промокнуть губы перед поцелуем с поклонницей.

Одет он был в светло-серый свитер грубой вязки, ничуть не скрывавший, а скорее подчеркивающий его огромное, свисающее до колен пузо. Толстяк смотрел на Ирку со сладковатой ехидцей. При этом у него был такой вид, будто он незаметно выковыривает языком застрявшее между зубами мясо.

– Ну что, мы уже проснулись, с-сссю? Между нами, ты выглядишь куда лучше, чем полтора года назад. А тогда-то в колясочке – зелененькая, с затравленными глазками… Как ноги, с-сссю? Старые шрамы не болят? «Я пришью тебе новые ножки, ты опять побежишь по дорожке!», а? Чудесный стишок, классика! В детстве любила его, и-и? – спросил толстяк, добавив в свой голос копеек на десять участия.

Однако на Иркин взгляд это куда больше походило на скрытую угрозу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/emec_dmitriy/led-i-plamya-tartara

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити